

Руслан Абубакиров

РОДНЯ. ПЕРЕСОХШЕЕ РУСЛО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Руслан Абубакиров

Родня. Пересохшее русло

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Абубакиров Р. Н.

Родня. Пересохшее русло / Р. Н. Абубакиров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Кто ближе тебе, человек: твой друг или твой брат? У кого больше чести, совести и принципов: у начитанных маргинальных друзей, с уголовным прошлым без высшего образования, отвергнутых светским обществом, или у благовоспитанных образованных родственников, позиционирующих себя членами элиты, но книг в руки не берущих? Что ты выберешь, когда на одной чаше весов появятся деньги, а на другой — твоя душа? Какой срок у человеческой благодарности и есть ли у неё цена? Может быть власть, богатство и тщеславие, и есть самый тяжелый наркотик? Пора со всем этим разобраться и сделать выбор: красная таблетка или синяя? Содержит нецензурную брань.

© Абубакиров Р. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Том1	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	36
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Том1

Пролог

Si vis pacem, para bellum – латинская фраза, авторство которой приписывается римскому историку Корнелию Непоту (99 – 24 года до н. э.) (жизнеописание фиванского полководца IV века до н. э. Эпаминонда). Схожая формулировка фразы принадлежит римскому военному писателю Флавию Вегецию:

«Краткое изложение военного дела». Книга III. V век:

Таким образом, кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведёт войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай. Никто не осмеливается вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении он окажется сильнее его.

Глава 1

– Поговори с ним, я тебя очень прошу, я уже не знаю, что делать. Раечка с ума сходит, мечется из угла в угол; я за нее так волнуюсь, так переживаю, ей же рожать через две-три недели!!! – сквозь слезы умоляла его тетя Фая. – Тимочка, ты знаешь, как мы все тебя любим. Уважаем. Поговори с ним. Он что, совсем ничего не видит?

– Тетя Фая, ну почему я то? Ваш зять, ее муж – дела-то житейские. Сами разберетесь – отвечал племянник Фаины, прекрасно понимая, чем для него может закончиться подобный разговор.

– Он никого не слушает. Только к тебе прислушивается. Да никто и не сможет его переубедить кроме тебя.

– Да с чего вы так вдруг уверены, что он меня послушает? Пусть Ринат с ним и разговаривает. Он – Райкин старший брат. Родной причем, в отличие от меня – двоюродного. «Ему и карты..» – как говорится.

– Да не будет он с ним разговаривать. А Раечка вся бледная уже неделю ходит...

– Это почему ж это он не будет с ним разговаривать? Ему что, сестру не жаль? – перебил её Тимур.

– Он сказал, что больше имени Глеба и слышать не хочет. И что такой человек для него больше не существует. А если им еще раз доведется увидеться, он ему рожу набьет. Так и сказал. И руки он ему никогда не подаст.

«Ну, это кто еще кому набьет, – подумал Тимур, – Глеб – КМС по самбо, а Ринат, разве что по стрельбе из винтовки.., вот если они дуэль биатлонную устроят, тогда Рина точно не промажет. Если добежит до Глеба со своим толстым пузом.., и слабым сердцем».

– Вот молодец-удалец. Он значит типа – лорд и ему опускаться до таких уровней – не по положению, а Тимоха, иди – утрясай дела семьи. Он же – брат!!! Старший причем. Ну конечно, ему в Москве, зачем лишняя геморрой? Дачу свою подмосковную теперь продавать будет? Говорил я им: не стройтесь по соседству. Так у них еще и забор общий – самое то, гранатами перекинуться.

– Ой, не знаю я.., не знаю – не замечая неуместной иронии протянула жалобно Фаина. – Причем тут дача? Помогииии... Она же ребенка может потерять. А эта, бесстыдница московская, присосалась к нему как пиявка. Как ей не стыдно? Бесстыжая. Семейного парня.., двое детей.., сейчас третьего ждем. Я прошу тебя-яаа... – И Фаина расплакалась.

«Вот в натуре, а! – про себя сетовал Тимур. – Раечка твоя, тоже, далеко не подарок. С детства ее вредничий татарский характер знаю. Как он вообще с ней живет? Я бы уже давно либо ушел, либо ее выпер, а уж бабу бы завел – без колебаний». Но страдания младшей сестры его матери растрогали его сердце. И хотя он тетку Фаину тоже недолюбливал, но вот так, просто, встать и уйти, он не мог. В нем боролись две сущности. Одна говорила коротко и ясно: «встрянешь ты причинным местом в рукомойник!». Вторая была более развернута в своих заключениях: «Ну и что, ты вот так возьмешь и откажешь своим родственникам? Мы же своих в беде не бросаем. «Какой ни есть, а он – родня» – как пел Владимир Семенович».

– Да что я ему скажу то? Был бы сам высокоморальным. А так, – пытался он надавить на здравый смысл, – типа: Глеб, изменять – нехорошо. Да и вообще, откуда такая информация, что у них уже все перетекло в устойчивую любовную связь? Может болтовня? Завистники всякие там разные, злокозненные.

– Ой, да ну какие завистники-то? – всхлипывала Фая. – Он на свой день рождения много выпил и под конец вечера все время с телефоном туда сюда ходил, писал кому-то чего– то... Потом уснул, прямо в кресле на веранде. Ну, а Фаечка взяла телефон и всё прочитала.

– Ну... и?

– Ну и там все и открылось, что у него любовница есть, в Москве, работает в московском офисе у его партнера, Артура. Мариной зовут. Ой.., да там такие письма... сказать стыдно! Даже не знаю. Прямо вот, прости Господи, как он ее... и в каких позах, и со всеми подробностями.

– Вы там что, семейную читку устраивали?

– Раечка пересказала. Я еще смотрю, она вся бледная на веранду заходит... ну, думаю: «жара, конец июля, беременная», я еще посуду мыла...

– Тетя, ну давайте уже как-то вот без этих «основных» подробностей – резко оборвал ее Тимур. С дипломатией у него всегда было "не фонтан". На «три с минусом».

– Какой ты все-таки вредный бываешь, – проскулила Фаина и продолжила, – а потом смотрю, она пропала. Я прямо как чувствовала. Выбегаю к гаражу, а она куда-то уже выезжает на своем джипе этом, огромном... Да как газанет, аж дымом сизым... и еще следы на бетоне остались... длинные такие...

– Ну! – нетерпеливо влез Тимур. – И?

– И потом ее сосед по даче привез. – в конец расплакалась Фая.

– В смысле? – вскрикнул Тимур. – Тётя Фая, ну не томите а.., ну что значит "привез"?

Фаина поплакала маленько, кивая головой, дескать: «подожди ты уже, ну, сейчас, успокоюсь и расскажу». Высморкалась в бумажное полотенце, оттерла глаза от размазанной туши и, округлив глаза, спросила:

– Так, а ты не знал что ли?

– Уфф.., доведет она меня, да чего не знал-то, ну? С Райкой-то, что случилось? Она в порядке? – нервно затараторил Тимур и потянулся за стаканом с водой.

– Да какой там порядок-то? Машину разбила. В бетонный забор со всего разгона въехала...

– Да ладно!!! – поперхнувшись водой, перебил он ее. – Офонареть! Разбилась?!

– Куда вы сахтасын (*"упаси Господи"* на каз.яз – прим. автора). Нет... У нее ушиб плеча, небольшой. И лицо болит, там же эти подушки повывлетали, пластмаски.., и все в лицо. А так кости целы, сотрясения, врач сказал – нет. Депрессия, говорит, у нее предродовая, такое бывает.

– Ну, я надеюсь, вы с ним не стали делиться причинами этой депрессии?

– Да ну тебя, честное слово, шуточки ему всё, я сама чуть с инфарктом не слегла. Скорую вызывали. Пока она до дачного поселка доехала я б уже раз пять померла. Медики называется.

– Ну ладно, ладно – извиняющимся тоном сказал Тимур. – Уф-фф... прямо у меня у самого отлегло. Вот можете вы фильм ужасов-то поставить. А ребеночек-то? Малой-то, как?

– Плод в порядке, но при таких её нервных срывах я уже не знаю, чем это все кончится. Аж страшно представить. – Фаина нервно сжала кулаки у подбородка и Тимур заметил как трясутся её руки.

Внезапно разговор прервал приятный, мелодичный звук и Фаина ушла открывать входную дверь. Скрипнули петли, и в коридоре послышалось приглушенное бормотание. Затем раздался тихий стон и спустя пару секунд, в комнату вошли Фаина и Рая. Рая была уже глубоко беременна и живот ее большим овальным выступом торчал из под одежд. На лицах обеих женщин были слезы. Тимур подошел, обнял сестру за голову, прижал к себе и спросил:

– Привет, Райкин. Ты почему мне ничего не сказала?

– Так я думала, ты знал... и молчал; ходил – как все вокруг. Тоже мне – родственнички называется. У вас же на глазах..., перед вами же все происходит. Я с Дамиром разговаривала, а он говорит: «А что я могу сделать?» Дóжила... Два моих брата – в офисе у мужа и всем по фигу... Мам, представляешь? – всхлипывая, выговаривала Раиса, поглядывая на мать.

– Опа, – глаза Тимура расширились, – так я смотрю все в курсе кроме меня что ли? Не.., ну я ее видел, конечно. Она от Москвы курирует казахстанское направление «Металснаба», но я не думал, что она.., что у них.., ну короче – я правда не знал. Верись мне?

– Я уже никому не верю. – вновь расплакалась Раиса и прижалась к плечу брата. – Поговори с ним. А..? – Тимур прижал ее к себе и погладил по голове. Потом подвел к стулу, посадил за стол и сказал:

– Не плачь, дорогая.., не плачь.., мы обязательно что-нибудь придумаем.

На данный момент он уже не думал ни о себе, ни о последствиях беседы с Глебом, он не задумывался о том, что Глеб его может просто уволить за такое вмешательство в его личное пространство. Он просто и спокойно смотрел на огромный живот сестры, и думал, что должен спасти ребенка. Если его мамаша еще раз куда-нибудь рванет на машине или у нее снесет крышу, и она еще чего-нибудь удумает, то он этого себе никогда не простит. На кону стоит жизнь. Уже начавшаяся, но на Свет Белый еще не появившаяся.

– Мама, он тоже волнуется, переживает, – сквозь слезы улыбнулась Раиса, – ножками толкается.

– Доча, ну не плачь. Надо о нем сейчас думать, а остальное потом... Потом остальное.

– Я поговорю, – сказал Тимур, – но результата не обещаю. Но то, что я поговорю, я даю слово. Обе женщины уставились на него зареванными глазами, уже не ожидая никакой помощи, но внутренне и внешне радуясь, надеясь на положительный исход.

– А ты где эту змею видел? – спросила Раиса.

– А она как-то в начале лета приезжала. У нас как раз собрание было, и Глеб ее представил, вот, мол, прошу любить и жаловать – Марина Бойко, работает ведущим экономистом в головном московском офисе и назначена руководством, курировать наше направление. Все заявки на заводы, весь ассортимент, все остатки на складах, перспективные и текущие договора – всё будете согласовывать с ней. Я тогда насторожился, да и не я один – все нахохлились. А у Глеба же дурацкая привычка собирать всех кому надо и кому не надо в офисе, на собрания. Лев же – привык в центре прайда сидеть. Я ему раз 10 говорил, что типа, давай собирать ответственных лиц, начальников отделов, заведующего складом, главного бухгалтера, «коммерческого» и всё. Ну и я, соответственно, как заместитель директора. Так нет, новгородское вече как соберет, шапито какое-то. И начинается: начальник охраны рассказывает сколько принесла щенят его любимая сучка; таможенник чешет про то, что вечно какие то веревки с оформлением документов и надо менять брокеров; Дамирушка, который курирует ж/д перевозки гонит на еврея – таможенника, почему тот не брал трубку все выходные и из-за него нам врубили простой вагонов. Хохма реально. Я ему говорю:

– Ты почему телефон отключил, лишенец?

– А у меня батарейка села. – отвечает.

– А почему ты не зарядил?

– Так зарядка в офисе.

– А почему ты ее домой не забрал?

– А я сотку всегда в офисе заряжаю.

– А дома, что, света нет?

– Есть. Но от зарядки же тоже, мотает.

– Не понял. Что мотает от зарядки?

– Ну, счетчик же накручивает.

– Боря, – говорю я ему, – ты совсем что ли уже заработался?

А он отвечает: «Ну, я же – еврей». Дурдом, короче.

Тимур пытался как-то развеять эту гнетущую атмосферу, повисшую свинцовой плитой на кухне у сестры. Он не понимал, что и как он будет делать и говорить, но его несло на чистом

экспромте. Фаина и Раиса никак не отреагировали, но слушали внимательно, ожидая перехода к их мазохистской теме. Тимур глянул на потолок и сказал:

– А давайте основной свет включим, что мы как на похоронах то? – Раиса пыталась подняться, но ее интересное положение делало силы гравитации очень ощутимыми.

– Тьфу на тебя, как скажет чего-нибудь... Сиди доча – Фаина тяжело подняла свое грузное тело и включила свет.

– Рахмет. – поблагодарил тетку Тимур. – Во-ооот... А мадам эта, я вам скажу – не ахти. Толстая какая-то. На подбородке рыжие волосы. Грудь пардон, до уровня ватерлинии. Короче, крупная такая фемина. Донских кровей. Их контору расформировали в Таганроге вот они в Москву и ринулись...

– Ага, грудью этой путь себе прокладывать. Бесстыжие. – влезла в монолог Фаина.

– Ну правильно, – поддержала ее дочь, – а тут Глеб, типа такой, весь из себя – неженатый... Я Ринату в Москву звонила, спрашивала насчет нее, он говорит: чем-то поросенка напоминает.

На лицах все троих появились подобия улыбок. И Тимур продолжил:

– Ну и вот, опубликовали нам ее, значит. Глеб там что-то еще в ее пользу проговорил, потом стали заслушивать доклады. Когда дело дошло до Бори-таможенника, он стал перечислять какие виды проката и на каком заводе мы заказали, какие купили и какие будем заказывать. И тут влезла эта «поросёнка». А зачем, говорит, такой ассортимент, зачем склад затоваривать, зачем платить такую большую аренду, за такие большие и бестолково-используемые площади? Заведующий складом и так то сидел и слушал все это с нескрываемым раздражением, а тут вдруг весь побагровел, вскинул брови, набрал воздуха, и решил было встать с гневным опровержением. Я еле успел ему рукой знак подать, мол, «сиди пока, не дергайся». Он уселся на место, посмотрел ещё так на меня, жестко, поджал губы и набычился слушать дальше. Потом она еще прошлась по «ужасной» организации хранения труб на складе. «Завсклад» еще пару раз чуть не вскочил, если б я его не удержал, и уже дымил из ноздрей, как бык перед матадором. А я сидел и ждал, когда она расслабится, и залезет туда, где ничего не смыслит. И тут она решила подробно поумничать про ассортимент. Чего-то там про листы, арматуру, шестигранники, квадраты и т.д.

– Тимочка, ты пирог будешь яблочный? – оживилась Фаина. – Давай я тебе чаю подолью. Тимур кивнул головой, допил остывший чай и подвинул пиалу к торцу стола.

– А что ж вы про пирог-то молчали? Зажать хотели? – ехидно шурясь, поддел тетушку племянник.

– Да тут про все на свете забудешь. – ответила за мать Раиса.

На столе появился бриллиант татарской выпечки – пирог с яблоками. Что там штолле, штрудли, турецкие сладости, по сравнению с татарским пирогом? Как лучший бешбармак – у казаха, лучший плов – у узбека, лучший борщ – у украинца, так лучшие пироги – у татар.

– И тут, когда она стала повторяться, а всем это уже конкретно поднадоело, я попросил слова. Глебус кивнул, я встал и сказал:

– Высота стеллажей на складе для хранения труб с таким-то диаметром и такой-то толщиной стенки должна быть такая-то, ширина – такая-то, а ответственность за нормы техники безопасности еще никто не отменял. Смотрю, «завсклад» просиял аки самовар начищенный. Ну я и вдохновился:

– Вы вот говорите, что надо в осень-зиму завозить только арматуру. А что у вас в Москве по состоянию на 2003 год появились новые технологии, которые позволяют не прекращать строительства зимой? Глебусу как раз позвонили и он вышел. А она чего-то вдруг на личности давай переходить, мол я вас в таком тоне не совсем понимаю. Ну, я ей тогда и ответил, что мол, те, кто меня знают, те поймут, а тем, кто не понимает, тем и знать ничего не нужно. Мадам, смотрю, покраснела, но ничего не ответила, а «завсклад», гляжу – дово-оольный такой

сидит. Далее, – говорю я ей – вы, когда делали анализ, обратили внимание на тот факт, что листы, от которых вы предлагаете отказаться вообще, находятся на вершине таблицы рентабельности, продаваемой нами продукции? Она чего-то там промычала. Вернее прохрюкала. Но безрезультатно. Ну, в общем, я раскритиковал ее по всем позициям, которые она подняла на обсуждение и попросил заслушать «завсклада». Надо было видеть его лицо. Он вставал с таким победоносным видом, как будто акт о капитуляции Германии собрался подписывать. Я ж не знал тогда, что у них «любовь», и поэтому чехвостила ее от души. Думал, Глеб поймет и уберет ее с направления, а он давай ее защищать, оправдывать.

– Вот-вот. Защитничек. О своих бы детях лучше думал. Подонок! – вставила свои пару тугриков Раиса.

– Короче, она никому не понравилась. Он меня после собрания вызвал в кабинет и таким елейным тоном, чтобы видимо передо мной не спалиться, говорит: «А что ты так на нее накинулся, она всё правильно говорит», – и тоже, вслед за ней какую-то ахинею понес из серии рассказов о «точке безубыточности». Я бы вот этот разговор с вами никогда не затеял, если бы не такой форс-мажорный случай. Если бы он сам не спалился. Надо ж было так встрять. А ты сестра, когда в следующий раз будешь с жизнью прощаться, подожди пока роды пройдут успешно, а потом с девятиэтажки, солдатиком. Киндера только вот без матери придется растить.

– Да ты, что такое говоришь-то? Советчик тоже мне... – возмутилась Фаина сверкнув черными глазами, а Рая добавила:

– Ну конечно, ему смешно, мама, понимаешь?

– Ну да, я – плохой, а ты чем думала, когда вот так, в бетон, со всего маху? Ты нас-то с матерью пожалей.

– Ладно, что сейчас об этом? Нервы уже никуда. Это ты еще не все знаешь. Ну, и что он еще тебе про нее сказал? – ушла от темы Раиса.

– Если честно, я и знать ничего не хочу... А тогда я ему сказал, что мол, пусть она мне даст свои заключения по поводу нашей работы и всего прочего. С цифрами графиками и т.д. А я за выходные докажу ему, что она не права – на 99%. Он что-то невнятное пробубнил, вроде того, что «я тебе завтра позвоню, подъедешь-заберешь». Я всю субботу прождал, но, так звонка и не дождавшись, сам, по памяти, сделал свой анализ. И в итоге, вскрылась ее полная неграмотность в деле продаж металлопроката. Но он и в понедельник не захотел меня выслушать. Вот тогда у меня в черепе первые сомнения и поселились. После собрания ко мне и кладовщик подходил, просил вмешаться и «главбухша». А что я могу сделать? Глебус ведь не просто «гендир», он же еще и хозяин компании. Хочет из-за этой поросенки порушить бизнес? Так на то его воля. Жалко только; столько сил вложено и средств.

– Тим, ну ты поговори с ним, пожалуйста, а? – снова попросила Раиса.

– Поговорю, поговорю, – ответил Тимур, вставая из-за стола, – а теперь вынужден раскланяться. Трояк должен подъехать, вон уже "смс-ки" шлет.

– Привет передавай. Уже, поди весь город в курсе. Стыдоба такая, капец. – грустно произнесла Рая, встала и поцеловала брата в щеку. Тимур пошел обуваться, и пока он возился с ложкой для обуви, к нему тихонько подкралась Фаина, наклонилась, и шепотом, прямо в ухо, прошелестела:

– Тимочка. Меня жизнь моего ребенка и внуков беспокоит. Она ведь может потерять... я даже думать об этом не могу. Мне страшно...

– Я понимаю. Вы постарайтесь как-то успокоиться. История стара как мир – любовный треугольник. Всё что я могу – я сделаю. Надеюсь никого не надо предупреждать, что этого разговора не было. – обнимая тетю, ответил Тимур, попрощался и вышел.

– Как думаешь, мам, он поговорит? От Дамира я не ожидала. Даже до конца не выслушал. Говорит: разбирайтесь сами. А еще брат двоюродный называется. Забыл подлец, как мы его

от алкоголизма лечили, сколько денег на его лечение потратили.., козел. – с глазами полными слез сетовала Рая.

– Ой, доча. Люди – неблагодарны. Мы ведь всё для них готовы сделать, а они.., да что там говорить.., – махнула рукой мать, и, начиная убирать со стола, добавила: – Тима, конечно, вредина известная и грубиян, но когда обещает – делает. Давай подождем.

Глава 2

Подъезжая к дому, Тимур увидел, как Трояк сидит в своей машине и активно ласкается с какой-то девушкой. «Еще один перспективный развод. Но, надеюсь, с его женой мне не придется беседы разговаривать».

– Мама, какие люди, Тимур Мухамеджанович, не прошло и пол года, и вы тут – ядовито улыбаясь, выдал Трояк.

– Звиняйте люди добрые, была уважительная причина. Справку показать?

– Вот, Зуля, познакомься. Мой друг, Тимур.

– Тимур, очень приятно. – Выходя из машины, ответил Тимур.

– Зульфия, взаимно.

– Давно сидим?

– Минут десять. Пошли-пошли. А то у меня тоже дела. – сказал Трояк, не скрывая своего нетерпения.

– А что это мы так перевозбудились? – улыбаясь, тихо спросил Тимур и, кивнув в сторону девушки, добавил. – Неплохая телка.

– Высшая. Выс-ша-я. Всё делает. И даже больше. Кудесница. – радостно прошипел Трояк.

Очень удобно, когда фамилия и кличка, суть – одно и то же. И Евгению Трояку в этом смысле повезло. Вся троица зашла в лифт и поднялась на девятый этаж в однокомнатную квартиру Тимура.

– Я такую канитель привез, высший сорт. Сносит с «полнапаса», – Трояк сиял тихой радостью, – дунем?

– Да не, настра нету. Вы сами, без меня.

– А шо так?

– Да у Либерманов был.

– А что Глеб уже прилетел?

– Нет, я с теткой и Райкой разговаривал. Тебе привет от нее. А он вроде как поздно вечером появится.

Лифт остановился и все проследовали в квартиру. Тимур пригласил парочку в комнату, включил им телевизор, а сам прошел на кухню, подсуетиться по хозяйству. За ним прошмыгнул и Трояк.

– Ты пиво привез? – спросил Тимур.

– Привез. Давай дунем, чё ты уперся? – сказал Трояк и стал доставать пиво.

– Да я не уперся, говорю тебе, настру нет.

– Райка на Глебуся наябедничала? – рассмеялся Трояк. Тимур замер и спросил:

– Насчет чего?

– Ну не коси, не в цирке. На Глебуся. И на счет этой его московской курицы.

– А ты откуда знаешь?

– Тоже мне – новость дня. Уже весь город базарит. Мне Дамик сказал.

– Бля.., а у этого язык вообще за зубами не задерживается. Мне главное вот ни слова, а тебе рассказал. Кéкус.

– Да я и без него знал. Город то у нас совсем небольшой.

– Ну вот. И прикинь, они меня просят поговорить с Глебусом.

– Да чё за кал, брат? Даже и не вздумай. Не взду-май. – по слогам разложил Трояк.

– Я обещал. Да я и сам за нее переживаю. Ты в курсе, что Райка хотела распрощаться..., на полном ходу, на своем "джипаре", забор бетонный снесла в районе ипподрома.

– Кал это все, брат. Понты корявые. Ничего она с собой не сделает. А ты повелся.

– Она – сестра моя. – как-то обреченно вставил Тимур.

– Короче, ладно, пошли, я уже все сделал.

Они прошли в комнату, где Трояк уселся в большое кресло, посадил на колени свою очередную подружку и достал папиросу с анашой.

– Это что у тебя? – спросил Тимур, открывая бутылку и наливая пиво себе и девушке.

Трояк был в глухой завязке, так как был очень падок на «спиритус вини», и если выпивал, то уходил в крутое пике, заканчивающееся капельницей, и семейным скандалом, вплоть до развода. Но Трояк – парень с выдумкой. Технично пересел с алкоголя на траву. Девушка тоже не отказалась от «дымка» и, пока Тимур пил пиво, они раскурили свое зелье. Ну, а потом, как водится: тупой юмор, шутки, хохот и жажда. Трояк, нисколько уже не стесняясь, прихватывал Зулю за грудь, залезал к ней под майку и целовал в уши. Он и раньше-то пуританством не отличался, но «канабис» делал свое черное дело, иссушая мозги, отрубая память, и со временем расслабляя до полной апатии. Жизнь под постоянным кайфом, в итоге, порождала нервные стрессы, когда этого кайфа какое-то время не было. И хотя «травка» не вызывала того звериного эффекта к которому приводит крепкий алкоголь, но лупила сразу в мозг и нервную систему. Тимур все это уже пережил, и катить по этой лыжне ему уже не хотелось. Девушка уточнила: «где уборная» и ушла, а Трояк суетливо подсел к другу и, выставив папиросу, сказал:

– «Индец». Псих, а ты не боишься, что после такого разговора у тебя с Глебусом проблемы будут? Он ведь уволит тебя, нахера ему такой свидетель как ты, в офисе? Или еще хуже, Кане позвонит, а тот со своими лысыми приедет. Не боишься?

– Не боюсь. Да и не станет он звонить: дела семейные, лысые тут не по понятиям.

– Смотри. Он же самбист и бандитствовал в 90-е. Сам же в курсе.

– Да я не этого всего опасаюсь. Я думаю, что в итоге они помирятся, а я крайним буду.

– Именно. И-мен-но, Псих. Вот так все и будет..., железобетонно. Ты подумай крепко. Эти две гусыни тебя разводят, а ты как бык с кольцом в носу. Рина не вмешался, а он ведь ее братец рódный. – Тимур внимательно посмотрел на Трояка и спросил:

– Троячок, а об этом тебе тоже Дамик сказал?

– Ну, ясен перец. Он так и сказал, что типа, "нахера мне эти веревки, если Рина за родную сестру не вписывается, то почему я должен?" Типа, "работаю и работаю.., а их личный «вертяк», пусть сами и разгребают".

– Не знаю я уже, сам не хочу, но боюсь Райку совсем тряханет. И что потом? Делать вид, что ничего не произошло? Не могу я так...

– Да эти кобры еще те артистки, такую «залипуху» тебе раскрасят, потом купаться не ходи. Они сейчас – так, а завтра – саяк. Я тебе по-кентовски, настоятельно, рекомендую – отпрыгни.

Тимур отхлебнул пива и уставился стеклянными глазами на облака в краснеющем от заката небе. Барышня тем временем вышла из туалета, и в ванной раздался плеск воды.

– Псих, давай я ей в ванной присажу по-быстрому. А? Некогда уже ехать по отелям и квартирам мотаться, меня Лизка дома ждет. Слышь? – толкнул друга кулаком в колено Трояк.

– Да не глухой. – раздраженно ответил Тимур и тут зазвонил телефон. Он взял трубку и услышал голос главного бухгалтера их предприятия – Надежды.

– Привет, Тима. Как дела?

– Хай. Мой самый любимый вопрос...тебе как, от сахара в крови, до реакции оседания эритроцитов? – с нескрываемым раздражением ответил Тимур. Он не любил эту девушку. Относился, как положено в офисе относиться к сотрудникам, но всегда знал, что от нее могут быть проблемы самого разнообразного характера. Однако ведь и на войне страны-антагонисты объединяются против общего агрессора. Трояк подскочил к Зуле, ущипнул ее за интимное место и Зуля громко, но весело вскрикнула.

– Я тебя отвлекаю, ты не один? – уточнила Надежда, услышав голоса.

– Ну, у меня люди. Ты что-то хотела?

– Извини. Мне надо с тобой серьезно поговорить, но раз у тебя люди, давай хотя бы по телефону. Тема щекотливая – сказала бухгалтерша и Тимур понял о чем пойдет речь.

– Ок. Я сейчас на лоджию выйду. – ответил он и увидел как хитрый Трояк показывал руками, мол, «ты давай туда, а мы сюда – в ванную». Тимур махнул рукой от безысходности и последним действием поднял указательный палец вверх, тем самым показывая: «И чтобы тихо там!!» Трояк показал обеими руками «ОК» и парочка, хохоча, скрылась. «Везет людям – никаких условностей». – подумал гостеприимный хозяин.

– Ну? – Тимур подготовился слушать длинную нудную речь.

– Тима, надо что-то делать, так дальше продолжаться не может – взволнованным голосом произнесла Надежда – ты меня понимаешь?

– Надя, а давай без таинственных фраз.

– Ну, я про эту, про Марину – пояснила Надежда и потом произнесла пространный монолог, в котором указала, как «эта» влияет негативно на Глеба, какой он стал нервный, странный, как он постоянно пропадает в Москве, как он купил ей квартиру на проспекте Мира, машину и всё такое прочее, как он забросил все дела, как она уже лезет в бизнес, на склад, в бухгалтерию, как она разрушает семью, что она, очевидно, его опоила, заговор на него сделала, что надо поговорить с Глебом и уберечь его беденького от этой змеюки огнедышащей.

– А почему ты сама с ним не поговоришь? Какие однако, у тебя познания в его личной жизни. Уже и квартиру он ей взял, а я и не знал про это все – это серьезно. Ну, правильно, не тут же, не в Костанае ей квартиру брать.

– Да он меня и слушать не станет, еще не дай Бог подумает что-нибудь не то, – взволновалась бухгалтерша, – а ты – исполнительный директор, брат его жены, тебя он послушает.

– Ты бы лучше раньше переживала о своем реноме, когда его крестным отцом своего пацана сделала? Вам всем от него что-то нужно, а потом вы начинаете бороться между собой как в серпентарии. – не особо скупясь на выражения, возмущался Тимур. И было за что.

– Ну что мы сейчас об этом? Надо бизнес спасать. Поговори пожалуйста. Я знаю, ты его не боишься, а остальные боятся. Он, кстати, тебя за это уважает. – настаивала девушка.

– А ты когда на меня ему стучала, тоже помнила о том, что я его не боюсь? И что из-за тебя мы с ним в Алма-Ата, в кабаке, чуть не подрались по пьяни, тоже не в курсе?

– Никогда я ему не стучала на тебя, о чем ты? Может кто другой, но только не я... Я ж тебя уважаю и люблю по-своему, после смерти Толика ты мне столько помогал, я тебе так благодарна. – не унималась Надежда.

– Ладно. Проехали! – нисколько не сомневаясь в лживости сказанного, отрезал Тимур. – И как ты себе это представляешь?

– Ой, я не знаю. Но ты же можешь найти нужные слова.

– Что бы вы без меня делали?

– Поговоришь? Ой, спасибо тебе, Тимочка. Я так хочу, чтобы у нас все по-прежнему было. Я с Раей разговаривала, она сказала, что ты им тоже обещал поговорить.

– Твою мать, ну ничего нельзя сделать, чтобы весь наш колхоз не узнал обо всем через 15 минут. Буквально. Ты уже и с ней перетерла? Ему тоже потом пойдешь, доложишь о нашем разговоре?

– Да нет, конечно, мне-то это зачем? Сама же подставлюсь. – перепугано воскликнула Надежда.

– Свежо питание, да серится с трудом. Как вы мне все надоели уже своими разборками. Ты у себя там тоже порядок наведи, а то от ваших разговоров потом много проблем по всей фирме, включая филиалы.

– От каких разговоров, и причем тут мы? – возмутилась бухгалтерша.

– Только давай обойдемся без вот этой детской наивности, в натуре..., ты меня услышала, короче.

– Не поняла о чем ты, но подумаю над твоими словами. Поговори, ладно?

– Добро. – Тимуру был неприятен весь этот разговор, но змеиные повадки Надежды делали свое дело. Опять же свой вклад внесли и личные доводы Тимура: «...если встанем всем фронтом, единым и сплоченным, то глядишь эту курицу бройлерную сюда будут завозить пореже». Он коротко и сухо распрощался с бухгалтершей и вышел из лоджии.

Под «охи» и «ахи» доносящиеся из ванной сквозь всплески воды, раздумывалось с трудом, и он решил просто попить пиво, и поглядеть новости. Пришлось даже сделать погромче звук. И к новостям о спорте счастливые обладатели оргазмов предстали пред его светлые очи.

– Ну чё там? Как? Где? И почему? – скороговоркой спросил покрасневшийся Трояк. – Там у тебя чай есть? Сушняк долбит.

– Есть, холодный только. – ответил Тимур и стал пристально рассматривать пассию друга. Она – вся разруганная, прятала глаза и смотрела куда угодно только не в его сторону. «И что Трояк в ней нашел? Худышка, рост ниже среднего, ножки так себе, грудь небольшая, но надо признать – очень красивое лицо. Глаза, губы – достойны портрета. Конечно не в Кустодиевском стиле, но и тем не менее». – нахально изучал он Зульфию.

– Ну, брателло, мы поехали, раз у тебя больше ничего нету, – рассмеявшись сказал вышедший из кухни приятель. – Давай, бразе, пока. Я бы на твоём месте вообще не лез в эту блудню, подумай.

– Подумаю. Давайте, пока. Троячок, ты в следующий раз и мне подругу захвати.

– Вери гуд, май френд!

Тимур проводил своих гостей, и первое, что ему пришло на ум – это анекдот про Валерика: «Две женщины разговаривают по телефону. Одна говорит: «Вчера Валерик приходил. Странный такой. За весь вечер ни слова не проронил, три раза трахнул и молча ушел. Чего хотел? Так и не поняла». Так и эта публика ему в тот вечер была непонятна. Усевшись в кресло он съел пару бутербродов и принялся смотреть телевизор, чтобы хоть как-то успокоиться и отвлечься. Но мысли все время лезли и лезли. И мысли эти не соответствовали ТВ-изображению. Что он ему скажет, если Глеб появится в офисе? Тимур понимал, что и так, и эдак он самоподставляет. Но, во-первых, он дал слово, а во-вторых – его очень волновала судьба еще не рожденного младенца. Так и прошел для него весь вечер – ни туда, ни сюда. Он уже было подумал, что лучше бы накурился вместе с Трояком и забылся бы до утра, но завтра понедельник, а значит надо быть в хорошем состоянии сознания. Чистом.

Глава 3

Утро понедельника выдалось очень результативным. Тимур проснулся рано, как студент перед экзаменом, около шести часов, и решил пробежаться по стадиону школьного двора, недалеко от дома. А потом забрать машину со стоянки, чтобы по два раза не ходить и подогнать ее к подъезду. Минут 45–50 в среднем темпе он побегал по периметру стадионной дорожки, после чего трусцой устремился к стоянке. Августовское утро было ясное, свежее и погода на весь день обещала быть радостной.

– Доброе утро. – поздоровался Тимур со стоянщиком-корейцем, и, не услышав его ответ, пробежал до своего парковочного места. Открыл машину, запустил двигатель, включил музыку и решил немного протереть своего «утенка».

– Доброе утро. – услышал он за спиной. Повернув голову, он увидел двоих мужчин. Оба были пьяны и изрядно помяты: как в одежде, так и на лицах.

– Доброе... – ответил Тимур и продолжил тереть машину.

– Уважаемый, мы к вам обращаемся, – сказал мужчина с засаленным галстуком, – вы бы повернулись, когда с вами разговаривают. – Тимур резко развернулся от такого вызывающего тона и непонимающим взглядом уставился на обоих.

– Ты что хотел, дяденька?

Мужчины подошли поближе и второй, который пониже, возмутился:

– Не ты, а вы! Нормально разговаривайте.

– А то что? В угол меня поставишь? – удивляясь такому утреннему сюрпризу, уточнил Тимур и понял – это "менты". «Засаленный» прищурился, показал ладонью второму, что мол, «погоди, я сам» и сказал таким милицейским тоном:

– Мы работники налоговой инспекции, предъявите квитанцию об уплате налога на транспортное средство. – Тимур аж на время задохнулся от такой наглости. В семь утра. В ста метрах от его дома. У его собственной машины, и такие претензии.

– А что только на машину? Давайте еще на квартиру налог проверьте, пенсионные отчисления и НДС на что-нибудь? А? – нервным голосом ответил Тимур.

– Если надо, мы всё проверим. Так что предъявите налог на машину. Квитанцию...

– Не добухали вчера? Решили "на лоха развести"? Типа, мы ему сейчас корочки покажем и он нам денег отслюнявит. А вот хера там!!! – громко, чтобы его услышал стоянщик-кореец и в ближайших домах, произнес Тимур. «Сторож – мужик нормальный. На крайняк засвидетельствует, что эти двое с утра вымогательством занимаются». – подумал он. "Налоговики" тем временем не ожидали такого резкого отпора, и, смутившись слегка, начали доставать свои удостоверения.

– Вот, уважаемый, – протягивая корочку, ехидно ухмыльнулся «засаленный», – обратите внимание. С вами тут не шутят, так что лучше по-хорошему предъявите квитанцию. Я старший инспектор налогового комитета по вашему району.

– Застрелиться! А я – директор Советского Союза по нашей стране, и чё дальше?

«Низкий» пытался дернуться в сторону Тимура, но второй остановил его:

– Погоди, Саке. То есть вы отказываетесь добровольно предъявить данные по налогу? Тогда мы сейчас наряд вызовем.

– Вызовет он. Ну смотри, сами нарвались. – резко крикнул Тимур и расталкивая обоих двинулся к будке охранника. – Да я сейчас сам наряд вызову.

Быстрыми шагами, обходя машину и приближаясь к будке, Тимур думал, что сейчас как раз на шум выйдет охранник, эти двое "включат заднюю", и отвалят восвояси. Но он был прав только по первому пункту. Кореец вышел, но «Засаленный» быстро просеменяв к нему, показал удостоверение и затребовал разрешения позвонить по городскому. Тимур отошел в сторону

и закурил. Кореец зашел вместе с налоговиками в будку, пробыл там минуту потом вышел и сказал:

– Сынок, а что случилось? Они патруль вызывают.

– А ничего не случилось, батя. Кто-то просто перепутал хрен с трамвайной ручкой. Они мне лично комендантский час решили устроить. Ну вот и поглядим сейчас. На чей... быстрее муха сядет, – гневно ответил Тимур, – пусть вызывают. Я пока в машине посижу.

Он прошел к машине, а "налоговики" что-то активно стали объяснять корейцу. На всякий случай он все-таки решил поискать квиток об уплате налога в бардачке, и к удивлению своему нашел его. И только он сложил все свои бумаги обратно, как на стоянку въехал желтый милицейский УАЗик. Оперативно. Оттуда вывалились четыре милиционера с резиновыми палками, и решительно двинулись к вагончику. Там им быстро объяснили причину вызова и они уже было направились к машине Тимура, но он решил не дожидаться их, и быстро вышел навстречу.

– Здравствуйте, старшина Нокин. Документы ваши, уважаемый. – представился старший наряда, в звании старшины.

– Салам, старшина, какие документы? Вышел человек на пробежку, решил потом машину к дому подогнать, а тут два рэкетира вымогают с меня деньги. Вы на пробежку с собой документы носите? Вряд ли. Ну, вот и я тоже. Но права я могу предъявить. – быстро начал объяснять свое поведение Тимур, протягивая водительское удостоверение.

– Это кто тут рэкетир? Старшина, этого забирай, видал какой борзый. Посмотрим, что ты потом запоешь. – ядовито ухмыляясь, сказал «Засаленный» и кивнул второму, мол «давай цепляй его, нечего тут с ним церемониться». Второй пошел было к Тимур с явным намерением схватить его за руки. Но Тимур оттолкнул его, и, пройдя к старшине вплотную, парировал:

– Ага, счас. Старшина, ВЫ тут власть или эти два бухаря? Они мало того, что пьяные в семь утра тусуются, так еще с людей деньги вымогают, к вам на «ты» обращаются. – скороговоркой затарахтел Тимур и, обращаясь к налоговикам громко, чтобы его слышали люди в домах вокруг стоянки, загомосил:

– Ты кто такой? Ты кем себя возомнил, "айболитом леса"? Тебе кто дал право честных граждан тут задерживать и вымогать с них какие-то документы. У тебя предписание есть? Ордер на обыск? Приказ в отношении меня поступил? Предъяви тогда. Или может мой портрет висит на стенде «их разыскивает милиция»? Ты инспектор? Так и вызывай меня к себе в кабинет по повестке. Кто тебе дал такие права? Ты что себе позволяешь? Тебе что Конституция Республики не указ или ты приказы Президента игнорируешь?

– Какие деньги, какие приказы, ты чё несешь? Старшина, ты посмотри как он себя ведет? – но старшему наряда понравилось, как Тимур намекнул на неуважение к представителю власти со стороны налоговиков. Он и сам их недолюбливал. Остальные его сотрудники уже, кто отворачивал лицо и смеялся втихую, а кто и в открытую улыбался, глядя на это шоу.

– Несут куры на соломе. А тебе членораздельно заясняют! – продолжал активизироваться Тимур. – Товарищ старшина. Я прошу вас! Их надо задержать. Я буду писать заявление на этих оборотней. Они, прикрываясь должностями, занимаются поборами.

– Какими поборами!? – вскрикнул тот, что пониже. – Да я тебя счас... – и ринулся было на Тимура. Тот остановил его толчком ладони в грудь и, отступая, кинул старшине:

– Товарищ старшина, занесите в протокол: "лилипут" хотел меня ударить, а "засаленный" руководил им. У них тут ОПГ!!!

Из дома, что стоял фронтом к стоянке, уже стали хлопать в ладоши проснувшиеся от шума жители. А один мужчина вышел на балкон третьего этажа и заорал: «Гони их, попросаек. Мужиии-ик..., держись, я счас спущусь, помогу, я всё слышал и видел. Счас». Старшина, понимая, что налоговики не правы, оттеснил их от Тимура и сказал:

– В общем так, господа. Переписывайте данные другу друга и подавайте в суд, если хотите. И на этом расходимся.

Тимуру передали корочку «засаленного» и он быстро переписал его данные. А налоговики переписали данные прав Тимура.

– Мужик, все нормально, благодарствую..! Наши победили! – крикнул Тимур мужчине на балконе и тот в ответ заорал:

– Свободу Юрию Деточкину! Юраааа!!! – и крепко сжал ладони, как Папанов в фильме "Берегись автомобиля".

Милиционеры расхохотались, и всем нарядом, довольные, прошли к своей машине.

– Мы еще увидимся с тобой. – прошипел «низкий», на что Тимур ответил:

– Отдыхай, алкоголик.

В общем, день у него "задался" с самого утра. На работу он приехал вовремя, и, как обычно, Глеба на месте еще не было. Пока созвонился со складом, пока пообщался с менеджерами, переговорил с филиалами – минул час, и появился Глеб. Прошел быстрым шагом, ни с кем не здороваясь за руку, к себе в кабинет, и на ходу бросил: «Зайди ко мне». Тимур понял – где-то протекло и шеф всё знает. Но идти на попятную было уже поздно, поэтому он не стал обдумывать какие-то надлежащие случаю слова и прошел к нему.

– Дверь закрой! – резко приказал Глеб. Тимур закрыл дверь на защелку, а Глеб продолжил:

– Ты что себе позволяешь, ты что творишь, а? – едва ли не брызгая слюной от негодования, прокричал Глеб.

– Это ты об чем? – делая вид, что не понимает директора спросил Тимур.

– Об том, ты какого х..я ходишь там вынюхиваешь? Ты куда лезешь? Рамсы попутал?

– Ты чего разорался? – уже в горячке спросил Тимур. – Что за тональность? Нашел оленя, давай тоже, нормально разговаривай.

– Да я с тобой вообще базарить больше ни о чем не хочу.

– Ты мне озвучь свои претензии, раз так вопрос встал.

– Ты чего в мою семью лезешь? Ты чего там наболтал? Совсем охренел?

– Давай так, если есть желание поговорить спокойно, по-людски, то давай успокоимся и поговорим. Если нет, то я пошел, и можешь делать что хочешь. – Стараясь сдерживать себя, предложил Тимур. Глеб молчал, пыхтел как чайник и что-то перебирал в ящичке стола. Тимур решил, что разговор не сложился и встал, чтобы уйти.

– Сядь!!! – крикнул Глеб.

– Алё, Глебус, ты успокойся, в натуре, а то я смотрю тебя тоже несет не по-детски. Я в таком тоне ничего говорить не собираюсь.

– Сядь, я тебе сказал. Ты что ничего не понимаешь или придуриваешься?

– Короче так, – начал Тимур и рассказал про вчерашний разговор, а затем продолжил:

– И если я и согласился вообще разговаривать на эту тему, то только потому, что боюсь за твоего ребенка.

– Это не твое дело. Она – моя жена!!!

– Ошибаешься. Это мое дело! Она – моя сестра. И была ею, когда тебя и в помине не было. И останется ею, если вдруг вы разбежитесь, так что это **мое** дело.

– Тебе что больше всех надо? Толстый молчит, а ты-то куда лезешь?

– То, что Рина повел себя как чмо еще не говорит о том, что все ее братья так должны себя вести. Я не знал, что твои отношения с этой мадам зашли так далеко. Верить? Я конечно подозревал, но вчера мне рассказали всё в подробностях. И я никого не закладывал, и ни на кого не стучал; твои смски читала Райка, а не я. И писали их не мне, а тебе. Так что тут твои предьявы не канают. Ты погоди не перебивай, дай мне сказать. Вот ты посмотри на себя в

зеркало. У тебя же цвет лица даже зеленый стал, в последнее время ты очень похудел и стал нервным, я тебя таким никогда не видел. – Глеб закурил и спросил:

– Это ты к чему?

– А к тому. Вон уже даже курить начал. Сам не замечаешь? Ты очень изменился с ее появлением, и я тебе честно скажу: по ходу она тебя либо опоила, либо заговорила на тебя какой-то сделала, или еще чего в то же духе...

– Да чё за гоневу..! – начал было Глеб, но Тимур его перебил.

– Вот именно, гоневу. Был бы ты слесарем-водопроводчиком, любила бы она тебя? Если бы она тебя уважала, она бы не стала вешать твой портрет над своим рабочим местом. Она же «палит» тебя, «топит», неужели ты не видишь? Думаешь она не знала, что после таких ее развешиваний твоего образа, она тебя подставляет, и перед Риной, и перед Райкой, и перед всем московским офисом?

– А ты про портрет откуда знаешь?

– Так вчера только и узнал. Если бы знал, что все так далеко зашло, раньше бы поднатужился на разговор.

– Да это вообще всё тебя не касается. Это наши семейные разборки.

– Глебус, семья – святое. Но она же и в бизнес лезет. Работать нам не дает – настаивал Тимур. И наблюдая, как Глеб постепенно с ним соглашается, шел дальше. – Ты знаешь, я не святой. Я может быть даже в этом смысле похуже тебя, но ты же можешь делать все аккуратно. Технично. Пока Райка не родит хотя бы. Летай в Москву не напрямую, а хотя бы через Алматы или Астану. Ну не мне же тебя учить.

Тут зазвонил телефон, и Тимур услышал, как секретарь передала, что это "московский офис на проводе.., Бойко". Глеб резко отмахнулся, как будто отгонял назойливую муху, и буркнул: «Давай, иди, работай». Тимур вышел и понял, что разговора не получилось. «Ну, нет, так нет. Я свое дело сделал. Но какая гнида всё-таки наступчала?». – Он вышел на улицу и позвонил по сотовому Раисе.

– Алло. Привет, сестра, ты ему ничего про вчерашний разговор не говорила?

– Привет. А ты спроси: я его вообще видела или слышала? Он дома еще не появлялся. Но я думаю, что это Надька ему сказала.

– Ах вона как. Ну ок. Разберемся. Ладно, давай, пока.

Тимур был вне себя, он никак не мог поверить, что Надежда сначала спровоцировала его, а потом просто взяла и предала. Да и когда? Глеб же поздно вечером только в город должен был вернуться. Тут к нему подошел Дамир и сказал закуривая:

– Брателло, нахера тебе все это надо?

– В смысле?

– Ну, я так понял, ты решил за мораль побороться?

– Да не за мораль. За ребёночка, за сестру, за бизнес, наконец. Фая с Раей меня вчера в слезах пол вечера уговаривали... Только вот откуда он узнал о вчерашнем нашем разговоре? Райка говорит, что Надька сказала. Но когда бы она ему успела сказать, если татарин его в город только за полночь привез.

– Ты, брат, реально слепой или чё? Он же спит с ней.

– Кто? С кем с ней?

– Конь в пальто. Либерман спит с Надькой. Ты чего не знал что ли? Да не гони.., все знают... Даже Райка догадывается.

Тимура словно обухом по затылку стукнули и в глазах поплыли темные пятна. Такой мерзости он не ожидал. У него не укладывалось в мыслях: как можно пойти на такое подлое коварство?

– То есть, ты хочешь сказать, что он у нее ночевал и там эта сука ему всё и рассказала? Ну, тварь.

– Да ясен пень. Я тебе говорил, не лезь. Толстый вон не лезет, а ты то куда..., зачем?

Тимур чувствовал себя изгаженным с ног до головы и решил не откладывать. Буквально ворвавшись в бухгалтерию, он попросил всех выйти, кроме Надежды. Девочки переглянулись, но учитывая его грозный вид и состояние, перечить не стали.

– Зачем?! – глядя, пронзительно, в глаза бухгалтерши, спросил он, как только они остались наедине. Та, сразу понимая, о чем идет речь, решила, что для ее же собственного здоровья будет лучше не пудрить ему мозги.

– В глаза мне смотри! – повышая голос, приказал Тимур. – **Зачем??!! Я тебя спрашиваю!!!**

– Ну, он стал на меня давить. Мне некуда было деваться. Что я должна была ему сказать? Пришлось рассказать.

– Зачем, мать твою??!! – заорал Тимур так, что в соседнем кабинете все вздрогнули. Он испытывал лишь одно желание: одним ударом ладони перерубить эту тонкую змеиную шею. Надежда почувствовала, что он сейчас её просто убьет, и съезившись, жалобным тоном простонала:

– Он же директор. Как я могла ему отказать? Он давил на меня...

– Сука ты!!! Тварина последняя...!!! Ни Бога, ни черта значит не боишься?

– Ну зачем ты так, Тима?

– Умри!!! Гнида!!! – гаркнул в ответ Тимур и вышел сам не свой из кабинета.

Он это расценивал уже не как предательство, а как дьявольскую манипуляцию с его добротой и состраданием. То есть, что получается: «Эта... – он даже не находил достойного ругательства для нее, просила его поговорить с Глебом не для оздоровления обстановки. А для чего? Он вспомнил ее слова: «...я так хочу, чтобы у нас все по-прежнему было...» – Не у всех, а у них. У нее чтобы по-прежнему было. Чтобы она и дальше спала с крестным отцом своего ребенка. Позорище!!! Чтобы Глеб ей неосознанно помогал и дальше тырить деньги, втихаря, у него за спиной. И за спиной у Москвы. Чтобы она и дальше сидела без толку на должности главного бухгалтера, а всю работу за нее делали три девчонки. А она таскалась все рабочее время по салонам, массажным кабинетам, соляриям и парикмахерским. На столе у нее чтобы лежали не бухгалтерские книги и бюллетени, а журналы, да каталоги –Cosmo и прочий глянцевого бутор. Чтобы и дальше кассиром на базе работала ее племянница и "черный нал" с базы поступал в сейф уже поздно вечером, когда в офисе нет свидетелей. Очень хорошо. Всё за деньги и ради денег. И в этом коллективе, где все загнивает, надо было еще умудриться сохранить лицо». И сейчас он внезапно понял: а ведь ему всё это порядком надоело. «Надо было валить отсюда, когда предлагали стать начальником отдела снабжения целого завода в Атырау». – в бессильной злобе сожалел он об упущенной возможности.

Тимур тупо смотрел в монитор на таблицу расчета себестоимости, но цифр не видел. Темные расплывчатые пятна, без смысла и образов застыли в тумане его негативных эмоций и видений. Тут внезапно мимо продефилировала Надежда и скрылась в приемной. Тимур очнулся: «Та-аак. Сначала одна телка звякнула ему с Москвы, прошло где-то минут тридцать. Теперь он вторую к себе вытянул. Если и эта сколопендра зависнет там на полчаса, значит разговор идет обо мне. А это значит... Одна голова хорошо..., а два сапога-пара. Ну, тогда видимо пора искать новое место работы. А жаль. Ох, как жаль...!».

Всё вокруг сразу показалось ему каким-то аморфным, бесчувственным и предательским. Он смотрел по сторонам, вглядывался в лица своих сотрудников и думал о том, что никто, ни один из них его не поддержит. Каждый занят исключительно собой и своей норкой. Не без труда ему пришлось взять себя в руки и он попытался сконцентрироваться на работе. И только он погрузился в анализ, как мимо проплыла "главбухша". Она пробывла у шефа не менее двадцати пяти минут, и прошла мимо с таким победоносным видом, что без труда можно было

понять: больше он тут не работает. «Прямо заговор какой-то. Ну, на нет и суда нет»—подумал Тимур и принялся искать в компьютере свое резюме.

Больше месяца назад, к нему обратились старые знакомые из Алма-Аты, на предмет организации металлобазы, для обеспечения четырех крупных объектов строительства металлопродуктом. Он им тогда не дал своего ответа, но пришли к общему мнению, что Тимур, через своих друзей и родственников, поможет им найти в аренду подходящую базу, а через месяц даст определенный ответ. И как всё судьбоносно сложилось, но как же тяжело начинать все заново. Матери уже годов прилично. Сынок подрастает. Они хоть и в разводе с его мамой, но отец рядом. И всё-таки придется уехать. Этот еврей не даст ему возможности прилично устроиться, как и многие его предки, он был очень злопамятен. И связи у него в городе были ой-ой-ой: от акимата, до мелких "тошек".

Рабочий день подходил к закату. Он успел отправить свое резюме в пару других компаний, переговорить с Алма-Атой, обсудить уровень зарплаты, цены на аренду жилья и сроки. При этом он не стеснялся говорить в открытую, громко и внятно. Тимур знал, что и почту проверят, и разговоры его передадут, еще и от себя добавят, кто во что горазд, но его это не тревожило. Он уже все понял и для себя решил, а коли так, то лучше действовать на опережение.

Глава 4

На следующий день его вызвал к себе Либерман и сообщил, что Тимура понижают в должности, и он уже не исполнительный директор, а начальник отдела продаж.

– Да ты шо...Ну надо же...А кто в отделе-то? Валька? То есть я теперь начальник над Валентином лично? – улыбаясь, спросил Тимур. – Он же у нас единственный менеджер по продажам.

– Короче, назначение получил? Свободен. – резанул Глеб.

– Когда я буду писать мемуары я назову это синдромом «Бойко – Либерман».

– Чего? – зло спросил Глеб.

– Это когда из-за бабы мужик готов разрушить все, что имеет.

– Ты это, ты базар фильтруй.

– А что ты мне сделаешь? Кáну вызовешь? Наябедничаешь на меня и он со своими «спортниками» приедет меня в шишки колотить?

– Да у меня и без Каны на тебя здоровья хватит.

– Ты ошибаешься на мой счет. И ты об этом пожалеешь. Я не угрожаю. Я прошу тебя подумать. Я не прошу тебя восстановить со мной хорошие отношения. Просто. Реально, отшагни назад и подумай, что ты делаешь. Ты думаешь, я не знаю, что ты на Райке по расчету женился? Что у тебя была хорошая, умная и красивая девушка, – Тимура несло и он уже был не в состоянии остановиться, – но она была из простой семьи, как и ты. А тебе нужно было большее... Райкин-то папаня, на уровне зам.министра работал, руководил крупным трестом...

– Ты сука, счас добазаришься...

– А чё ты пылишь? Я если не прав, то тебе должно быть насрать на мои слова.

– А мне и так, и сяк поровну на тебя, и на твои слова. Не облокотился ты мне со своими рассказами.

– Ага, ага, то-то я и смотрю, аж цвет лица здоровый стал. Пунцовый. А ты знаешь, я тебя понимаю. Реально – без понтов. Я бы с Райкой и дня не прожил. И я палец дам на отсечение, что она тебя попрекала этим..., браком по расчету. Это очень в ее стиле. А ты до сих пор ни себе, ни ей позора этого простить не можешь. – сам от себя не ожидая, выдал Тимур. Глеба аж передернуло от таких слов и Тимур увидел, что попал в самую 10-ку. Но терять ему уже было нечего и он решил излить всю накопившуюся желчь.

– Ты, я смотрю, совсем тут работать не хочешь? – зло ухмыляясь парировал Глеб, закуривая сигарету. – Ну-ну. Что еще скажешь?

– Ой. А то ты меня решил повоспитывать, чтобы потом вернуть на должность...Коню понятно, что эти твари твои меня в дерьме изваляли, а ты кроме них ничего ни видеть, ни слышать не в состоянии. И всё не знаешь как теперь меня техничнее выдавить из компании. Так ты сильно не напрягайся, я сам свалю.

– Думай, что хочешь. А за базар придется ответить. Всё сказал? Свободен.

– Ага, есть сэр. Ты тока не бухай, нельзя тебе, добром это не кончится. – сказал на прощание Тимур, намекая на приступы эпилепсии Либермана.

– Сам не хворай. – бросил Глеб, махнул рукой в сторону двери и начал куда-то звонить. Тимур вышел в непонятном состоянии: с одной стороны, он чувствовал облегчение, что высказался, а с другой, у него было такое ощущение, как будто его родители оставили в детском доме. Словно кусок чего-то родного и близкого оторвали у него с мясом. Но жизнь продолжалась.

Прошел месяц. Рая родила здорового и крепкого мальчика. Случилось это в начале сентября 2004 года. Все были довольны и счастливы. Глеб на радостях помирился с женой. Раиса якобы простила ему все его гулянки, и все делали вид, что ничего страшного не произошло. Эта семейка вообще всегда так жила. Для них никогда не был близок призыв: «...лучше быть,

чем казаться...» Они всегда и во всем старались создавать какую-то иллюзию жизни, причем иллюзия эта всегда разительно отличалась от реальности в сторону псевдоулучшения уровня самой этой жизни, усовершенствования их характеров и образа бытия. Их дети – всегда, самые умные дети, их женщины – всегда, самые красивые и преданные, их мужчины – всегда самые честные, смелые и порядочные. И речь идет не об одной семье, а о группе семейств, объединенных вокруг Фаины, которая после смерти мужа, позиционировала себя серой кардинальшей.

На самом деле это были обычные семейки, где мужики в основе своей были трусливыми подкаблучниками и тяготели к алкоголю, бабы их были тоже не прочь выпить и гульнуть, причем вплоть до скандалов, а местами, и до открытых измен. Детки их, по зависти и хитрости напоминали своих мамаш, и всё старались сделать исподтишка. И когда все члены семей собирались на очередной сабантуй, там и выяснялось какие они все поголовно хорошие, как их ценят в школе, на производстве и в бизнесе, как их уважают во всем городе, как о некоторых пишут в газетах, а об особо одаренных даже в энциклопедии Казахстана. А потом они расходились по своим жилищам и ждали удобного случая, когда кто-то «накосячит» и уже потом с таким же энтузиазмом они поливали друг друга помоями, но естественно за спинами, а не в глаза. Они вообще ничего не делали и не говорили прямо в глаза, а если и делали, то только в отношении тех, кто не мог им ответить в виду слабости нутра, какой-либо зависимости от них или уж очень низкого положения в обществе. Вот так они и жили-были. Все. Кроме одного. Кроме Тимура. Он был другим. То ли потому, что в нем помимо татарской были еще уйгурские и узбекские крови. То ли потому, что родился на стыке двух зодиаков – стрельца и козерога. То ли потому, что он вырос на привокзальной площади – средоточии всего хулиганья района. Сам он не мог себе дать четкого ответа. Но при этом он много читал и довольно прилично учился. Все детство занимался хоккеем и был приучен к командной игре. Хоккей же и дал ему привычку высказывать всё как есть – в глаза. Но он так и не смог понять, почему Фаина его недолюбливает. Очевидно, его высказывания всегда ставили ее на место и показывали всем, кто она есть на самом деле. А для нее это было крайне неприемлемо. Но факт оставался фактом. Все, что связывало его с этой публикой, это его мать, Суфия – старшая сестра Фаины. Да и то с большим допуском, так как Суфия родилась от одной женщины, которая позже умерла после неудачного аборта, а Фаина и еще два ее брата – от другой. И вот эта другая – бабка Тимура – не особо испытывала любовь, как к его матери, так и к ее детям. Мать Тимура всегда скрывала этот факт и стыдилась его, но Тимур всё это видел. Даже не столько видел, сколько чувствовал. Вот так чувство, или скорее – состояние, маргинальности, и засело в нем с самого детства. И именно мать, еще весной, до описываемых тут событий, попросила его помириться с Фаей и Раей, ссылаясь на то, что Раисе скоро рожать, и та не хотела подходить к такому ответственному моменту в конфронтации с близкими. Вот и получилось, что желая добра, мать Тимура толкнула его на мир, который в итоге закончился очередным предательством. И, как позже выяснится – холодной войной.

А тогда в семье Фаи-Раи воцарился мир. Шаткий, зыбкий, но – мир. И при случае всегда можно было выпендриться, и всем рассказать, что у них все как раз таки хорошо, а то, что там за спинами лопочут, так то происки врагов, да завистников. Но совесть, как голос души, заткнуть невозможно. Можно заглушить, все время делать вид, что этого голоса никто не слышит, затолкать его в дальние уголки сознания, но уничтожить ты его не можешь. Просто потому, что он тебе не принадлежит. Он – отблеск искры Божьей.

И конечно, родня теперь всячески избегала встреч с ним. Им он уже не нужен был, и они всячески избегали разговоров на эту тему. Ну всё правильно: зачем им статистику успеваемости портить? А в офисе, он не нужен был Глебу. И тоже понятно: тот не смог простить Тимура. Да и свидетель его дальнейших гулянок ему тоже был, крайней нежелателен. И в итоге, пришлось Тимуру поговорить с матерью, испросить у нее разрешения и собираться в Алма-Ату. Он рассчитывал на то, что когда закрепится в южной столице, то и мать к себе перевезет.

И уже буквально в декабре месяце, перед Новым Годом, когда он уже жил в Ате, до него дошли сведения, что его сестра Раиса с Либерманом и его брат Ринат с женой прилетели покататься на лыжах, на Чимбулак. И никто даже не вспомнил о Тимуре. Не постарался встретиться, не поговорил, не позвонил. Нагулявшись, и накатавшись они счастливые улетели обратно. Лицемеры, что возьмешь? Да и сюжет не нов. Иванушка - дурачок эволюционировал до Тимурушки-идиота. И Тимур тогда рассмеялся. Он совсем забыл, что был третьим сыном у отца.

Глава 5

Прошло два с половиной года.

– Спишь? – услышал он голос Дамира в телефонной трубке.

– Бля... Дамик! Ты чё так рано? У нас еще и пяти нет. – спросонья пробубнил Тимур всматриваясь в часы.

– Глеб умер.

– Во на... Какой, Глеб? – не понимая толком, о ком идет речь, уточнил Тимур. – Глебов много.

– Наш Глеб.

– Да, ладно, – у Тимура перехватило дыхание, – Либерман?

– Да. Утонул в Болгарии, на море.

– Охрене-ееть... А что, как, когда, известно?

– Да сам толком не в курсе. Брателло, просьба к тебе будет. Ты ж у нас уже почти коренной Алмаатинец. Нужен гроб крутой.

– Да.., вот это новости, с утра. – окончательно проснувшись, молвил Тимур. – Таааак... Ну я гробами-то не занимался, но, по ходу, нужны будут размеры, ну там..., цвет и какая отделка, видимо. А.., ну и по цене. Денег у меня на такой гроб нету.

– Я позвоню там одним, тебе привезут.

– И когда он нужен?

– Завтра должен быть в Костанае.

– Ни фига, ты барин, задачи ставишь.

– Ну больше некого просить.

– Да что ты? А что же Рина «любимому» зятюку с Москвы гроб не притаранит?

– Братан, завязывай, а. Меня озадачили, вот я к тебе и обратился.

– Ладно, не гунди. Попробую найти. Если что-то не срастется, я перезвоню...

– Рахмет, бразе. Давай.

– Давай, пока.

Тимур бросил сотку на кровать и уселся в раздумьях. Прошло два с половиной года, с того дня как его «невежливо попросили» из компании. С тех пор квартиру в Алма-Ате купить у него так не получилось. Да и матери его врачи запретили переезжать в высокогорный климат. Как-то, год назад, Тимур встретился в Костанае с Трояком и он насоветовал ему пообщаться с Глебом, так как тот искал замену директору филиала в Алма-Ате. Тимур долго не соглашался с доводами приятеля, но все же решил написать Либерману письмо. В нем он предлагал забыть старую грызню и начать общаться по-людски. В том же письме он предлагал Глебу свои услуги по руководству Атинским филиалом. Так как на том этапе металлоторгующим предприятием командовал очередной глебовский подхалим. Да и где командовал, в одном из самых застраивающихся городов Казахстана. Персонаж без принципов, чести и знаний, да еще и проктолог по специальности – человек далекий от железа, как ёжик от расчески. Настолько же далек он был и от других составляющих этого бизнеса. Виктор, бывший главный бухгалтер филиала в Алма-Ате, как-то рассказал Тимурю историю, про то как прискакал этот проктолог на растаможку четырех вагонов и, пробегая мимо длинной очереди к окошку, кричал: «Господа, господа, ну пропустите человека, мне надо по быстрому пару вагонов растаможить, все бумаги в порядке, надолго не задержу, у меня тут договоренность. А то мы их уже разгрузили!!!» Ну там, в окошке его конечно слышали и попросили добрых очередников пропустить больного..., и «нагнули» компанию за эти четыре вагона, по полной программе. У них там как раз шёл рейд по борьбе с коррупцией, и на этом фоне силовики устроили показательное выступление.

Потом его же «зам» две недели лихорадочно носился за ним по Алма-Ате, с целью набить ему лицо. Такая вот у Глеба пёстрая публика работала, «на местах».

Глеб ничего на письмо Тимура не ответил, мало того, он растрезвонил на весь Костанай, что Тимур «пал ему в коленки» и попросил прощения. За что только ему было просить прощения, Тимур не понял. Но такое отношение к себе не забыл. Он, вообще, ничего не забыл. И тут такая новость. Ехать он никуда не хотел. И всем своим видом хотел показать, что ему также наплевать на всю эту семейку, как и им на него. Но он не был таким негодяем как они, и если бы повел себя также, то превратился бы в одного из них. А это было не в его стиле. Он точно знал, что основания не помогать им и не ехать на похороны, у него есть. Его там просто не ждали.

Сна, само собой, уже никакого не было, и, слегка перекусив, Тимур решил поехать в ближайший храм поставить свечку за упокой Глебовой души, и на том успокоиться. А потом перезвонить Дамиру и сказать, что не собирается заниматься поиском гроба для тех, кто ему лично таких услуг никогда не окажет. И кому не особо интересно – жив ли он, вообще.

Никольский собор расположен в красивом месте Алма-Аты, в парковой зоне, где Тимур любил гулять в детстве вместе со своим отцом. Они ходили в кинотеатр «Целинный», покупали там билеты на дневной или утренний сеанс и потом гуляли вокруг, перед фильмом. Захаживали на Никольский базар, где отец брал кружку пива или квасу, а сыну покупал мороженое в вафельном стаканчике и потом оба прохаживались в тени деревьев подле храма. Красивый, аккуратный, всегда выкрашенный в голубой цвет – этот храм чем-то манил и притягивал внимание мальчика. И по прошествии многих лет Тимур, уже будучи православным, любил ходить сюда. Он, как и раньше жил неподалеку и его никуда в другое место особо не тянуло.

В левом дальнем углу Никольского собора находились мощи какого-то святого, и до этого дня Тимур не придавал особого значения этой раке. Однако сегодня видимо пришел срок. По крайней мере «наверху» наверное, решили просветить его, в этом смысле. Когда шли посты и внутренний призыв звал его к их соблюдению, Тимур приходил на утренние и вечерние службы, но в обычные, скромные дни, он просто приходил в храм, когда никого из верующих уже практически не было. Садился в уголок на скамейку и сидел, наслаждаясь тишиной, запахами ладана и глобальным покоем. Он буквально напивался этим покоем. Вот и на этот раз он пришел к концу службы и уселся на лавочку. Прихожане еще бродили туда-сюда со свечками, бабули что-то терли, скребли, мыли и убирали, а кучка народу, обступив батюшку, получила из его рук какую-то церковную газетку. Краем уха Тимур уловил, что речь как раз шла об этой раке с мощами святого. В раздумьях о правильности и неправильности своего отношения к ушедшему Глебу, он ждал, когда батюшка освободится, и выскажет ему свое мнение. Хотя мнение его было Тимуру известно, но он пытался найти для себя нечто вроде индульгенции. И тут одна из женщин проходя мимо, положила на лавку возле Тимура, какую-то газетку, перекрестилась, и пропала из поля зрения. Пока священник что-то тихим голосом рассказывал пастве, Тимур взял в руки эту газету, пододвинулся к лучу солнечного света, бьющему из окна, и начал читать.

Речь шла о митрополите Алма-Атинском и Казахском священноисповеднике Николае (Могилевском). Тимур пробежал глазами очерк, о том как в 2000-м году его причислили к лику святых земли Казахстанской. Точнее его включили в Собор новомучеников и исповедников Российских, пострадавших за веру, свидетельства о которых поступили от Алма-Атинской епархии, но Тимур, как человек не особо разбирающийся в подобных нюансах, посчитал тогда, что этого батюшку причислили к лику святых. В статье была размещена фотография раки с мощами святого и он понял, что оказывается именно его мощи находятся в храме Николая Чудотворца. «Надо же – подумал Тимур – а я и не знал, что хожу в церковь, где лежит не кто-нибудь, а сам святой православный!» Про мучеников Серафима и Феогноста он, конечно, слышал, даже бывал в Аксайском скиту на день их памяти 11 августа, а об отце Николае слышит впервые. Статья эта его заинтересовала и он стал читать дальше, более внимательно:

"...И вслед за этой вестью архиепископа Николая постигло новое испытание – 27 июня 1941 года Владыка был арестован и помещен в тюрьму г. Саратова.

Пробыв в Саратове в общей сложности шесть месяцев, Владыка Николай был направлен в Казахстан, в город Актюбинск, а оттуда через три месяца в город Челкар Актюбинской области.

Когда много лет спустя Владыке задали вопрос: "Как он отнесся к этому переселению? Не было ли в его сердце ропота или обиды?" – Владыка отвечал: "На все воля Божия. Значит было необходимо перенести мне это тяжелое испытание, которое закончилось большой духовной радостью... А вы подумайте, что будет, если человек всю жизнь станет проводить в неге и довольстве, в окружении близких и родных людей? Жизнь, пресыщенная благами земными, приводит к окаменению сердца, к охлаждению любви к Богу, к ближнему. Человек от излишеств становится жестоким, не понимающим чужого горя, чужой беды".

Владыка ехал на вольную ссылку, но в арестантском вагоне. На станцию Челкар поезд прибыл ночью. Охранники вытолкали Владыку на перрон в нижнем белье и рваном ватнике. В руках у Владыки было только удостоверение, с которым он должен два раза в месяц являться в местное отделение НКВД на отметку.

Оставшуюся часть ночи Владыка пересидел на вокзале. Настало утро. Надо было куда-то идти. Но как идти зимой в таком виде? Да и идти было некуда. Владыке пришлось обратиться за помощью к старушкам, и на его просьбу откликнулись добрые женские сердца. Старушки подали ему кто – телогрейку, кто – шапку, кто – залатанные валенки. Одна старушка приютила его в сарае, где у нее находились корова и свинья. Владыке в это время шел уже 65-й год. Голова его была бела и вид его невольно вызывал сострадание. Владыка пытался устроиться на работу, но никто не брал его, – он выглядел старше своих лет. Он вынужден был собирать милостыню, чтобы не умереть с голоду.

Впоследствии, когда духовные чада спрашивали у Владыки: "Почему Вы не сказали старушкам, которые дали Вам одежду, что вы – епископ?" – Владыка отвечал: "Если Господь посылает крест, Он же и силы дает, чтобы его нести, Он же его и облегчает. В таких случаях не должна проявляться своя воля, нужно всецело предаваться воле Божией. Идти наперекор воле Божией недостойно христианина, и после того, как человек терпеливо перенесет посланные ему испытания, Господь посылает духовную радость". – Закончил Владыка свое объяснение.

Так, до глубокой осени 1942 года Владыка продолжал влачить свое нищенское существование. Физические силы его были на исходе. От недоедания и холода у него развилось худосочие, тело его было покрыто нарывами, от грязи завелись вши. Силы покидали не по дням, а по часам...

И вот пришел момент, когда иссякли последние силы и Владыка потерял сознание. Очнулся он в больнице, в чистой комнате, в чистой постели. Было светло и тепло, над Владыкой 'склонились люди. Он закрыл глаза, решив, что все это ему кажется. Один из склонившихся проверил пульс и сказал: – Ну вот, почти нормальный! Очнулся наш дедушка!

Поправлялся Владыка медленно. А когда поднялся с постели, сразу же стал стараться принести пользу окружающим. Кому воды подаст, кому судно принесет, кому постель поправит, кому скажет доброе слово. В больнице полюбили этого доброго старичка. Все стали называть его ласково: "Дедушка". Но только один молодой врач знал трагедию этого "дедушки", знал, что выпиши его из больницы, и опять пойдет он просить милостыню и жить рядом с коровой и свиньей. И вот настал день, когда врачу предложили выписать "дедушку" из больницы. Владыка Николай стал молиться Господу, снова отдавая себя в Его волю: "Куда Ты, Господи, пошлешь меня, туда и пойду!" И вот, когда все собрались проститься с добрым "дедушкой", вошла нянечка и сказала: – Дедушка, за вами приехали! – Кто приехал? – спросили все разом. – Да тот самый татарин, который вам иногда передачи приносил, разве не

помните? Конечно, Владыка не мог забыть, как регулярно, через каждые десять дней, ему передавали от какого-то незнакомого ему татарина пару татарских лепешек, несколько яиц и несколько кусочков сахара. И еще знал Владыка, что именно этот татарин подобрал его, полуживого, без памяти лежащего на дороге, и отвез в больницу. Ошеломленный, Владыка пошел к выходу. Действительно, у больничных дверей стоял татарин с кнутом в руках.

– Ну, здоров, бачка! – сказал он Владыке и улыбнулся добродушной улыбкой. Владыка тоже поздоровался с ним. Вышли на улицу, татарин посадил Владыку в сани, сел сам и они поехали. Был конец зимы 1943 года. – Почему вы решили принять участие в моей жизни и так милостиво отнеслись ко мне? Ведь вы меня совсем не знаете, – спросил Владыка. – Надо помогать друг другу, – ответил татарин, – Бог сказал, что мне надо помогать тебе, надо спасти твою жизнь. – Как сказал вам Бог? – изумленно спросил Владыка. – Не знаю как, – ответил татарин, – когда я ехал по своим делам, Бог сказал мне: "Возьми этого старика, его нужно спасти".

Для Владыки началась спокойная жизнь. Татарин имел связи и смог устроить так, что через некоторое время в Челкар приехала Вера Афанасьевна Фомушкина, его духовная дочь, которая так же была сослана, но в другую местность. Вера Афанасьевна не стала скрывать от окружающих, кто такой тот "дедушка", которого заботливо выходили челкарцы.

«Вот это ничего себе, – у Тимура от удивления чуть глаза не выпали, – этого, просто, не может быть. Это же он. Он! Ооо-он!!! Это же про него мне мама рассказывала в детстве, как во время войны, то ли у них в сарае, то ли по соседству, жил какой-то христианский батюшка. Как ему помогали выжить – кто чем мог, как потом его кто-то из ее родственников, то ли её отец, которому на тот момент было чуть больше 30-ти лет, то ли кто-то другой, отвез в больницу, и тем самым спас. Мама то с Челкара родом». И дальше он прочел следующее:

В июле 1947 году Владыка должен был лететь в Москву на заседание Сессии Священного Синода.

Во время посадки в самолет Владыка со своими спутниками стоял у трапа и благословлял всех входящих в самолет пассажиров. Владыка ездил и летал всегда в рясе, несмотря на то, что часто подвергался за это насмешка.

И на этот раз пассажиры, заметив что их благословляет духовное лицо, начали над ним смеяться, посылались язвительные восклицания: – Ну, нам лететь не страшно, с нами святой летит! Почти никто из пассажиров не сказал доброго слова. – А я не слушал их, – рассказывал по возвращении Владыка – я их жалел. Ведь люди даже не подозревают, что не от своего ума и понятия говорят хулу, а выполняют злую волю врага рода человеческого. Я спокойно благословлял всех.

Все сели, самолет поднялся в воздух. Прошло некоторое время и вдруг забеспокоились летчики. В конце концов старший пилот объявил об опасности – отказывает один мотор. Положение было угрожающее, надвигалась катастрофа. Среди пассажиров началась паника. Но Владыка сказал: – Давайте помолимся! Ни одна душа не погибнет! – а потом добавил, – лишь немного в грязи выпачкаемся. Владыка встал и начал молиться. Волнение пассажиров не спадало. Никто не обращал на Владыку никакого внимания, но через несколько минут все стали затихать, вставать со своих мест и прислушиваться к его молитве. А он молил Господа спасти всех, кто летит этим самолетом. В это время самолет стал падать вниз. Но, к удивлению летчиков, которые знали, каким должно быть это падение, самолет не падал, как обычно, а как бы планировал и тихо опускался вниз. Самолет упал в какое-то заболоченное, но неглубокое озеро. Когда люди немного успокоились от пережитого ими страха, то стали подходить и благодарить Владыку. Подошел и старший пилот: – Произошло чудо, отец, – сказал он – простите за наши насмешки! – Бог простит, – ответил Владыка. – Бога благодарите и Его Пречистую Матерь, и возлагайте свои надежды на Святителя Николая.

В памяти старшего иподиакона Ария Ивановича Батаева ярко запечатлелось одно из посещений ими города Уральска. "Было это, – вспоминает Арий Иванович, – летом в начале 50-х годов. Владыка совершал богослужение в Михайло-Архангельском соборе города Уральска. После службы он стал беседовать с верующими. Народ пожаловался Владыке на зной и засуху в Уральской области, так как с того времени, как растаял снег, на землю не выпало ни единой капли дождя.

Владыка сказал: – Давайте помолимся Царю Небесному, может быть он услышит нашу молитву. Стали совершать чин молебного пения поемый во время бездождия. И совершилось чудо – небо, на котором не было ни единого облака, потемнело, покрылось густыми тучами и пошел не просто дождь, а хлынул ливень, как из ведра. От страшных раскатов грома дрожали стены старинного уральского собора. Владыка приостановил молитву и сказал: "Православные! Разве это не чудо?!"

Завершив молебен и подождав, когда утихнет ливень, все вышли во двор, вдохнули свежего, чистого воздуха. Владыке нужно было пройти пешком метров 200 от храма до дома настоятеля, но после ливня пыльная дорога стала месивом грязи. Тогда народ, исполненный любви и благодарности к Владыке, тут же выстлал этот путь снятой с себя одеждой".

Из воспоминаний Протоиерея Валерия Захарова, настоятеля Свято-Никольского собора г. Алматы:

В 70-х годах митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) в одной из своих проповедей говорил такие слова: "Мы, алма-атинцы, живем у подножья Тянь-Шанских гор. И, с одной стороны, мы счастливы тем, что красота этих гор радует глаз человека, но, с другой стороны, горы таят опасность землетрясений и селевых потоков. Но Алма-Ата никогда не будет снесена селом и никогда не будет разрушена землетрясением, потому что у нас есть замечательные молитвенники в лице Митрополита Николая и схиархимандрита Севастиана". Владыка Иосиф так говорил, и это я помню точно.

Тимур был в шоке от прочитанного. Таких совпадений не бывает. Мысли его путались, обгоняя одна другую. Вот это новость. А теперь мощи этого святого лежат в храме, куда он иногда ходит молиться. Он встал, подошел к раке святого Николая и прослезился. Его переполняла любовь, гордость и радость одновременно. Словно он нашел могилу своего давно ушедшего отца. «Вот уж воистину, пути Твои, Господи – неисповедимы. – подумал Тимур, – Ну что ж, значит надо ехать». Он прочитал «Отче наш...», сходил в другой придел, где поставил свечку за упокой души Глеба и, понимая, что уже нет смысла подходить к батюшке, перекрестившись, вышел из храма.

Пришлось ему бросить все дела, отпроситься на работе, занять денег и целый день заниматься поиском гроба. В итоге, к 24–00 он уже успел встретиться с людьми, найти необходимое количество денег, отыскать, подобрать и заказать симпатичный гроб (если это прилагательное здесь уместно), купить билет на самолет, потом получить этот гроб, отвезти его на транспортный терминал, упаковать, оформить и отправить в Костанай. А, как оказалось: гробы просто так перевозить запрещено и там еще пришлось кучу взяток пораздавать, чтобы успеть к сроку. Утром – он на одном самолете, а гроб – на следующем, прибыли в Костанай. Его встретили, подождали, пока прилетит скорбный груз и по прибытию последнего, загрузив его в грузовичок, отправились домой к Раисе. Оставшиеся деньги он отдал Дамиру и, как выяснилось позже, Дамик «чисто случайно забыл» отдать их Раисе. Ну, вот такой народ, ну что поделаешь – на похоронах близких готовы заработать.

Людей, как водится, понаехало много: кто-то от души скорбел, кто-то потому, что «не мог не прийти», кто-то приплелся из любопытства, а кто-то вообще, непонятно какого рожна там находился. Труп Глеба прибыл из Москвы самолетом. По идее, надо было провести вскрытие, установить причину смерти и так далее. И все это в Болгарии. Или если не в Болгарии, то уж в Москве-то точно – у Глеба было двойное гражданство – российское и казахстанское.

Но спутники его по Болгарии позаботились о том, чтобы правда не вылезла наружу. Это же сколько надо было денег заплатить, чтобы труп иностранца вывезти из страны без уголовного дела, без процедуры установления причин смерти, а значит – без вскрытия? И отдыхал он там как раз с Артуром (московским партнером), другими коллегами из московского офиса и своей подружкой, Мариной. И смерть его так удачно приключилась, что от этого никто кроме родителей и близких друзей Либермана не пострадал. Артуру и его кентам-соучредителям было на руку, что Глеб уже не принимает участия в дележке. Опять же, сразу после смерти Либермана у Артура появился завод по производству металлоконструкций. Давно ходили слухи о том, что Глеб прикупил себе небольшой заводик, но где он находится и кто числится в хозяевах, толком никто не знал. А тут – ну чистое «совпадение». С Раисой Глеб к тому времени уже не жил два года, но так как официального развода не случилось, то половина всех активов доставалась ей и детям. Марине, смерть любовника была не менее удобна, чем другим стервятникам. Плательщик всех ее запросов ушел, не задавая никаких вопросов. Без претензий. Спустя год после этих событий, она еще и умудрилась родить – недолго была в трауре подруга. Все, кому не лень, попользовались Глебовым добром и не испытали при этом какого-либо дискомфорта. Таков их мир. Мир чистого и "черного нала". И Глеба жалеть было особенно не за что, он сам был таким же, как и его окружение. Но Тимур помнил его другим.

Где-то, во времена развала Союза ССР он приехал домой и Суфия его сподвигла поехать на дачу: корчевать, копать, поливать – земледельствовать. Вечером, изрядно уставшие, они пошли в гости, на дачу к Фаине (благо находилась она неподалеку), где помимо неё с мужем были ещё и Раиса с Глебом. Вечер был свежий, прохладный, уже появилась луна, все устали на нивах плодородных и решили после трудов праведных собраться в летней кухне, попить чаю с беляшами. Вот чего у них было не отнять, так это хлебосольного гостеприимства. Беляши, пироги, щак-щак, сладости, сухофрукты, мед, орехи и индийский чай, со слоником на борту – благодать. Полный набор! Посидели, погоревали о развале СССР, о ценах, о том, что в Казахстане всех «кинули» когда переходили с рубля на тенге и о том, что впереди грядут более серьезные проблемы, если не придет такой как Сталин! При котором, «всегда и во всем был четкий порядок». Тимур, подуставший последнее время от таких разговоров, вышел покурить.

Свежий воздух настолько приятно наполнял легкие, что и курить-то уже не было никакой необходимости. Но каждый курильщик со стажем знает, что, допустим, если ты вышел после бани, очистил легкие в парилке, с участием настоя эвкалипта, можжевельника, мяты или кедра, то сразу надо покурить – тогда всенепременно "торкнет". Тимур был не из таких и поэтому, удерживая сигарету в руке, просто наслаждался кислородом. Тут из кухни вышел Глеб и попросил у Тимура сигарету.

– А чего это ты? Ты ж не куришь. Или я чего не знаю?

– Да.., как-то.., желание появилось.

– Ну держи, раз тяга есть. – Глеб прикурил, затянулся и выпустил большое облако дыма. Дым попал ему в глаза и он, активно, начал их растирать.

– Ты ж не курил раньше – самбист. А? – хитро заглядывая в глаза зятя, спросил Тимур, улыбаясь.

– Закуришь тут.., ты не представляешь, как они меня достали. За полгода уже всю душу вынули; теща кругом свой нос сует, везде вмешивается. Всё они знают, всё они умеют, на всё у них своя точка зрения. Я там как слуга хожу. Сходи-принеси-отнеси-подай-не мешай. Пипец какой-то, – вздыхая, сетовал Глеб, – я скоро не выдержу.

– Терпи, брат. Семейка невыносимая, но и у них есть чему поучиться. Вам надо с Райкой сваливать на отдельную жилплощадь. – успокаивал его Тимур.

Ему было искренне жаль Глеба. Жить в примаках – хуже некуда. Да и женился-то Глеб по расчету, а тут какая может быть любовь, какое взаимное уважение? Раиса сызмальства росла девочкой с характером, балованной и завистливой. Причем зависть эта даже на родного брата

распространялась. Ну как же: у Рината есть, а у меня нет? Нереально. Вот и выросла девчушка: с одной стороны – чисто плотная, хозяйственная, домашняя, с кулинарным и кондитерским талантом, а с другой – она была вся в мать. С тяжелым и коварным характером. Но если мать умела хитрить и вуалировать свои часто нездоровые помыслы, то дочь вела себя по-чапаевски. Хрясь сабелькой, и никакой дипломатии. Вот и рубили они терпигорца-Глеба: Раиса – с одной стороны, а Фаина – с другой. Ну, а что удивляться? Они же с положением в обществе, папаня их при должностях, с Кунаевым знаком лично, а Либерман – кто такой? Из простецкой семьи: мама – мед.сестра в больнице, папа – слесарь. Живут они в своем доме, послевоенного времени постройки, топят его углем, а воду возят из колонки, что в двух кварталах.

Пролетарское происхождение Глеба сквозило со всех щелей: начиная с прически и заканчивая гардеробом. Он этого стеснялся и отстранялся, как только мог. У него до Раисы была очень воспитанная и красивая девочка. Кто-то даже завидовал втихомолку – какую Либерман крадю отхватил. И со стороны было видно, что они любили друг друга. Но она была из такой же пролетарской, хорошей, порядочной, очень простой семьи. Перспектив немного! А его вот это, как раз и не устраивало. И хотя он довольно неплохо учился, но вот читал мало, и светскую беседу поддержать был не в состоянии. И ему повезло – Раиса так вообще книг не читала, и от высокого штиля была намного дальше его. Вот и сошлись как-то два человека. Одной срочно нужно было выйти замуж, так как ей уже было «целых 19 лет и она уже старая», а другому нужно было вырваться из деревни в город. О любви там речь не шла – каждый получил то, к чему шел. Тимур конечно обо всем этом знал, но от души сочувствовал Глебу. И добывать лежачего – было не в его стиле.

– Вот пройдет время, съедете от них, желателно подальше, и покажешь, кто в доме хозяин. А потом детки пойдут, глядишь и она пообломается...

– Ох, твои слова бы да Богу в уши. – нервно докуривая, прошептал Глеб.

– Да не журишь братан, все будет нормально. – поддержал родственника Тимур и они обнялись. Хорошо обнялись, искренне и по-братски. Вот таким он помнил Глеба, таким он был пятнадцать лет назад. Затем у них с Раей родился сын. Глеб связался со «спорткамами» и стал в их шайке кем-то типа бухгалтера-казначей. Ну, а какой еврей не умеет считать деньги? И Либерман не был исключением. Потом, со временем, супруг Фаины устроил ее работать в банк и «любимый» зятек принялся активно обналчивать финансы различных хитроумных предприятий и групп лиц. Фаина, конечно, не имея высшего финансового образования, занимала чужое место и разбиралась в банковском деле как бульдозерист в генетике, но этот момент оказался судьбоносным в жизни Глеба. Через тещу он подключился к денежной трубе: темный, никем не контролируемый «нал» потек уверенным и нарастающим потоком. Покупались квартиры, приобретались машины, менялась жизнь, менялись характеры. И все, что было сокрыто внутри каждого вышло наружу, под воздействием такого мощного катализатора, как деньги! Но Тимур помнил Глеба простым, приятным в общении, воспитанным молодым человеком.

– Я на их рожи уже смотреть не могу – в сердцах бросил татарин, водитель Глеба. Они хорошо дружили, когда Тимур работал исполнительным директором, и доверяли другу– другу полностью. Ильгиз – единственный, кто не побоялся и дальше общаться с «опальным» Тимуром, хотя Либерман тогда гневно всем заявил, что если узнает, что кто-то общается с «этим» – сразу уволит, без предупреждения. Ильгиз смотрел вокруг, зажмуренными от бессонной ночи глазами, курил и сетовал:

– Ходят суки с таким видом, как будто потеряли близкого, а на самом деле..., я тебе Тима скажу, столько грязи на него вылили. Нервов ему намотали. Мне его уже жалко было, последнее время. Он как волк метался то туда, то сюда, как будто сам смерти искал.

– Ну, вот и нашел. Что эти падлы не знали, что ему пить нельзя, что после этого его нельзя одного оставлять? Так они получается еще и одного его у воды бросили?

– Ну да, Артур всем рассказывает, что они уплыли подальше в море, а Глебус с этой свинкой-Маринкой остался. И, типа, когда они обратно поплыли, его уже у берега не было видно. А потом когда начали его искать, он оказывается метров десять не доплыл.

– Так, а эта бл... куда смотрела, она же знала, что у него эпилептические приступы бывают?

– Да там не поймешь ни хера. Кто говорит, что свинка эта тоже уплыла, кто-то, что он там погавкался с ней и она где-то шарилась, пока он тонул..., короче мутно все.

– А ты глянь, татарин, как еврей стоит отдельно. – показал Тимур на финансового директора московского офиса «Металснабе». – Своего единоверца типа потерял. Я вот на него смотрю, на них, и что-то во всех их движениях столько левого. Глянь. Он к своим даже не подходит. В глаза им не смотрит. А если и разговаривает, то с какой-то злостью нескрываемой. Ох, чую «помогли» бедолаге Либеру.

– Да, я тоже так думаю. Я их когда в порту встречал, сразу увидел: что-то там у них не то. Еврей даже шел как-то отдельно от всех московских.

– Но если это так, надо Кане "цинкануть" (*сообщить, на блатном – прим.автора*), пусть московитов к ответу подтянет. Он тут вообще? Лысые его здесь?

– Да был где-то... Тима, не лезь ты туда, – посоветовал Ильгиз. – Вон Ринат ходит, как будто его это не касается. Всё, на что сподобился, это скорбное лицо смастрячить. Морды бля...

– А если они ему таблетку какую кинули в бухло? Вот он и вырубился посреди заплыва...

– Ну да, ну да... Ага – «бился в пене параноик...» Ты сейчас понапридумываешь... Психопат старый.

– Илюха, реальные пацаны – всегда на измене, как говаривал Дельфин в каком-то фильме, – парировал Тимур.

– Да я ничему в принципе не удивлюсь... А ты Райку то видел, нет еще? Та вообще..., на «Оскара» видимо претендует. Вся на таблетках, на транквилизаторах, типа, горем убитая вдова. Забыла как она ему кровь пила последние два года. Реально, жизни ему не давала. Детьми спекулировала. А куратором главным у них была тетка Фая твоя. Вот уж где кобра, так кобра.

– Да уж, та еще чёрная мамба. Ничего, и ее схороним. Она уже лет десять как в кредит коптит.

– Ну ты Тимсон, совсем тоже..., так то зачем? – ухмыльнулся татарин.

– Ладно, ладно, татарушка..., промолчу для пользы дела.

– Ты видел? Там у гаражей твои кенты стоят. Одноклассники..., армянин этот и еще один, не помню как зовут. Здоровый такой.

– Да ты что – обрадовался Тимур – пойду поищу. Он, кстати, грузин, если шо. Народу чего-то понаехало. Типа неравнодушные съехались.

Людей и впрямь было очень много. Кто-то плакал, кто-то нервно курил, кто-то втихаря травил байки, а иные стояли с «искусственной мордой печали на лицах». Тимур шёл здороваясь направо и налево, встречая, то родственников, то друзей, то знакомых, то подруг, то коллег. Ильгиз, чуть приотстав, шел за ним и наблюдал за реакцией публики. Здесь были почти все его сослуживцы по работе в «Металснабе»: Надя, как ему показалось тоже «показушноскорящая», менеджеры, бухгалтерия – частично, «складские» с базы и главный вор всего предприятия – Булат из Актау. «И "главшпан" этот уже тут – подумал Тимур – на конкурс «генерального» баллотироваться примчался, козлина. (*главшпан – так на зоне называют босоту, ишпану, который занимается полезными делами, например "главшпан барака", так называют смотрящего за бараком – прим.автора*) И назначать-то кроме него некого. Он самый грамотный и самый вороватый, подлюка». Тимур не забыл как три года назад, проводил аудит в Актау и после поездки сразу оповестил Либермана, что там воруют. И воруют много. Но професси-

онально – сразу не подкопаешься. Глеб тогда понял всё правильно, но предложил подождать, когда «тот» совсем оборзет, чтобы предъявить ему четко обоснованные претензии.

– Татарин, а этот крендель «прикаспийский» еще работает? – спросил Тимур водителя.

– Да он еще нас с тобой уработает. Крысит по тяжелой. Глеб, когда последний раз в Актау был чуть морду ему не набил, по пьяни. СБ-шникам нашим сказал, что когда из Болгарии вернется, будет насчет него вопрос жестко ставить. Типа, этот конь Глебу еще на своих друзей-чеченцев намекал, что, мол, впрягутся за него. Так Кана экспедицию должен был собрать: изымать с того, все, что натырил... А тут видишь как.

– Вот повезло гниде, капец. А кто у вас нынче СБ командует? Так же, кореец?

– Ага. На манеже – всё те же.

– Илюха, ты передай Райке, когда успокоится, что если они этого упыря каспийского поставят «гендиром», он им через пару лет весь бизнес порушит.

– Толстый намек на то, что тебя надо возвращать на должность? – хлопая по плечу друга, спросил Ильгиз.

– Так, а больше некого, – улыбаясь ответил Тимур, – ладно, пойду.

– Давай. Не отравись там смотри, когда с родней целоваться будешь.

– Не дождутся. Я с детства привитый.

Бывшие коллеги по привычке держали себя с Тимуром более чем сдержанно. Инициатор такого отчуждения уже перешел в прошедшее время, но к настоящему они еще не перенастроились. Неподалеку выходил из подъезда Трояк с супругой Лизой. Кричать было неудобно и Тимур решил, что уж на кладбище-то он точно с ним пересечется. Он шарил глазами по скоплениям людей и хотел увидеть одно лицо, но так его и не увидел. Хотя позже ему сказали, что она была на кладбище и, прячась за деревьями, стояла в компании Надежды. «Надо же, не побоялась прилететь. Смертница» – потом подумал Тимур. Пообщавшись накоротке, со всеми знакомыми и родственниками он направился дальше и, дойдя до гаражей, увидел своих одноклассников.

Вот уж кого он всегда был рад видеть. Эти лица никогда для него не менялись, хоть год прошел, хоть десять. Настоящий друг – всегда брат, но брат – не всегда настоящий друг. С этим девизом Тимур и жил всю свою жизнь.

– Салам, брателло, – пробасил Гурам, – когда приехал?

– Салам, дорогой, – обнимая друга, ответил Тимур, – да вот, только с самолета.

– Здорово, Тимсон! – поприветствовал его второй друг и тоже обнял.

– Здорово, Карчной. Вы это.., уже заходили?

– Да, мы уже были. Матушка твоя тоже уже там. – сказал грузин. – Ты сходи, мы тебя тут подождем. Карч, дай сигарету.

– На.., вежливый ты наш, – ответил Карчной, протягивая сигарету, – чего еще изволите, сударь? Огниво?

Тимур улыбнулся и подумал: «Супер. Ничего не меняется».

В квартире Либерманов пахло смертью. Такой густой и тяжелый запах, который ни с чем не спутаешь. Погода снаружи была пасмурной и в комнатах царил полумрак. Атмосфера была вязкой и напряженной: когда уходит старик – это можно понять, но когда уходит молодой мужчина, да еще так нелепо – это понять непросто. Осмыслить можно – принять не получается. Рая так вошла в роль, под действием препаратов, что реально была белой, как покойник, и перемещалась галсами, поддерживаемая периодически меняющимися помощницами. Временами к ней подходила ее мать Фаина и укоряла следующими фразами: «Так нельзя доча. Так нельзя. Не изводи себя». И обе искренне верили в правдивость своего поведения. Тем не менее Тимура это зрелище не оставило равнодушным, он подошел к телу Глеба, поздоровался с Раей, обнял ее и сказал:

– Салам, сестра.

– О, привет, Тимочка, – тонким и дрожащим голосом поприветствовала его Раиса, – ты давно приехал?

– Да нет. С аэропорта, сразу сюда. Гроб вам привез. Самый красивый, какой нашел.

– Да -да.., спасибо тебе. А у нас.., вот. Лежит Глебушка, как живой. Даже как будто улыбается. Как же так, а? Тима!? Почему? – уже не в силах плакать Раиса застонала. Откуда ни возьмись, возникла Фаина и, поддерживая дочь за руку, заворчала:

– А ну-ка соберись. Что это еще такое... Так нельзя, Раечка. Прекрати. Зачем ты себе сердце рвешь...? О детях-то подумай. Уже вон, вся белая как снег. Тимочка, здравствуй. Хорошо, что приехал.

– Здрассте, тётъ Фая. – ответил Тимур и обнялся с теткой. Она протянула ему два металлических диска похожих по форме на плоские хоккейные шайбы с отверстиями по центру, и попросила:

– Тимочка, это магниты, положи Глебушке один под голову, другой под ноги.

Тимур с немим вопросом уставился на тетку, и она ответила:

– Говорят, помогают, чтобы тело не портилось, на улице-то уже теплынь.

– А.., ясно. – Тимур подошел ближе к голове покойника и, приподняв ее, положил один магнит на подушку.

– Прости за всё, брат. Царствие тебе Небесное. – еле слышно прошептал он, поцеловал Глеба в лоб, на котором поперек уже лежала церковная лента, и, почувствовав, как комок подкатил к горлу, аккуратно вернув голову на место, отошел к ногам. Немного успокоившись, второй магнит он положил под ноги усопшего и увидел под гробом таз с марганцовкой, от которого исходил терпкий, и неприятный запах. Тимур почувствовал резкую нехватку кислорода и решил выйти в другую комнату. Там, у окна, стоял его брат Ринат и молча смотрел на улицу.

– Салам, братан.

– Салам. – едва повернув голову, сказал Ринат и даже не подошел, чтобы обменяться рукопожатием, и обняться. Тимур увидел во всей этой сцене «изображения глубокой скорби» какой-то уродливый, противоестественный гротеск, и ему стало физически нехорошо. Но посидев еще пару минут для приличия, он вышел в коридор. На кухне толпились многочисленные родственницы Фаины. Тимур заглянул туда в поисках матери и увидел ее у мойки. Они поздоровались, расцеловались, но так как разговаривать о жизни-бытии было неуместно, Тимур сказал матери, что вечером они всё обсудят и по-английски, не прощаясь, вышел на улицу.

На похоронах Тимур стоял рядом не своими родственниками, а со своими одноклассниками – они ему были роднее и ближе, чем близкие по крови. Суфия на похороны не поехала, чему Тимур был искренне рад. Зачем? У матери и так здоровье не олимпийское, хотя она мужественно переносила все передряги.

После похорон все сидели в ресторане и поминали усопшего. Как обычно на сцену вышла Фаина и возвестила:

– Почему в мире все так несправедливо? Почему первыми уходят всегда самые лучшие?

Карчной, который сидел вместе с Гурамом, Тимуром, Ильгизом, Дамиром и другими, за одним большим столом, потряс головой из стороны в сторону и, наклонившись ближе к уху Тимура, сказал:

– Сцуко.., лучших забрали первыми, а мы, типа тут, такое говно – остались. Терпеть ненавижу такие речи!!! Маразм бя...

– Да она по-другому и не умеет.

– Карчной, завязывай, – прогудел Гурам. – Ладно парни, давайте Глеба помянем. Земля ему пухом и Царствие Небесное.

Все подняли рюмки и молча выпили. Какой-то тип в микрофон сказал, что сейчас поставит любимую мелодию Глеба, которую тот ему по телефону скинул за неделю до смерти. И

поставил: заглавную тему из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Тимура всего передернуло и он зло спросил:

– Чё за козел там душу вынимает? Нашел чем заняться, и так.., кошки скребут.

А потом опустил голову и тихо заплакал.

Глава 6

Прошло еще два года. Всеми правдами и неправдами Тимур умудрился купить в Алма-Ате однокомнатную квартиру и был несказанно рад этому событию. Суфию так и не получилось перевезти на постоянное проживание в местность с пониженным давлением. Доктор запретил. Он одно время противился жить на родине своего отца, но всегда знал и ощущал, что фраза: «Алма-Ата – моя первая любовь», к нему именно имеет непосредственное отношение. Наипрямейшее. Что может понимать ребенок, когда ему четыре-пять лет от роду и его привезли в другой город? Что он может чувствовать, и с чем ему сравнивать свои переживания? Но любовь-то никуда не девается. Эти запахи, виды, деревья, парки, фонтаны, горы, водопады, озера. Эти зоопарк, Луна-парк, Кок-Тюбе, Медео...!!! А тут как будто новая, точнее – давно забытая, волна накрыла его своей непреодолимой мощью и он осознал: «...это тоже моя Родина». Эти дубы, тополя, клены, сосны, ели, каштаны; здания, улицы, трамваи, снежные шапки вершин; эти восточные базары – всё это одним махом вернуло его в состояние детства. Три родины – это же и не каждому так повезет: Костанай, Новосибирск и Алма-Ата. Опять же братья, сестры, тети, дяди, бабушки, дедушки... А кухня? Что может сравниться с восточной кухней? Эти ароматные травки, специи, фрукты, овощи..., этот шашлык, этот лагман, плов, манты, бешбармак, коктал, тандырные лепешки..., даже саксаул, на котором это все готовится, и тот играл не последнюю скрипку в этой симфонии вкусов и ароматов. Ну, и конечно же люди. Трудом, умом и культурой которых, столица КазССР приобретала такой нежный, изящный и стильный вид.

А переезжать он не хотел по ряду причин. И причинами этими были его мать, его маленький сын и старшая сестра, которая проживала в Бухаресте, и была очень больна. Он ее любил, переживал за ее состояние, и все свои отпуска, последние десять-двенадцать лет проводил с ней. Ему проще было добираться к ней с Костаная чем с Алма-Аты. Они были очень разными, и тем не менее, это не мешало им находить общий язык. По ее венам текла горячая кавказская кровь, а в нем – такая же горячая, но азиатская. Он всегда прислушивался к ее советам и рекомендациям, если конечно они не претили его мировоззрению. Вот и сегодня, когда она с утра позвонила на мобильный, он подготовился к очередному воспитательному процессу.

– Халло. Тимур!! Халло!!! Ты меня слышишь?

– Слышу, конечно, ты чего с утра шумишь? – его всегда несколько раздражала эта европейская форма приветствия по телефону, через букву «Х».

– Халло. Уфффф..., ну Слава Богу, ужас какой-то! Ты где сейчас?

– Дома, где же еще? У нас еще семи нет, а у вас-то поди вообще ночь глубокая? Джамӣ, чего случилось то? Не спится что ли? Тебе плохо?

– В Алма-Ате ты?

– Ну да. Блин, Магомедовна, в чем дело?

– Да я даже не знаю, как сказать. В общем, все нормально. Просто, хотела уточнить, ты дома или нет?

– Сестра! – уже начиная реально выходить из себя, воскликнул Тимур. – Ты там головой не ударялась?! Что за хипешь? С мамой что-то?

– Да нет..., нормально всё с мамой, – перевела дух сестра и продолжила, – Тима, я тебе перезвоню..., успокоюсь только. Хорошо? – сказала Джамӣ и отключилась. «Не хотят они для меня легкой смерти; хотят, чтобы я мучился. Что за фигня непонятная?» – подумал Тимур. И тут, буквально, через минуту-другую, снова звонок, но уже по-городскому. Тимур выскочил из ванной, так ею и не воспользовавшись.

– Как ты быстро, однако, успокоилась?

– Тимур. Здравствуй. – услышал он голос младшего брата своей матери – Ибрагима. – Так ты с ней разговаривал уже?

– О. Привет. С кем, с ней? Я думал Магомедовна звонит.

– С мамой.

– Ё-моё, а..., ну мне кто-нибудь объяснит, что происходит или надо довести человека сначала?

– Да мама твоя всем звонит и рассказывает, что самолет, на котором ты якобы летел в Костанай, разбился при посадке. И никто не выжил. Ты домой собирался что ли? С чего она взяла, что ты должен прилететь?

– Батюшки-святые, то есть я погиб без мучений? Домой не собирался. Я ж был зимой.

– Шуточки тебе всё. Давай уже посерьезнее. Мы тут все на ушах. В порт звонили, уточняли. Думали, ты к сыну на день рождения прилетаешь. Она и Джами успела позвонить.

– Да Джамишка вот только перед тобой звонила – вся на нервах. А я ж не понял ничего... Да уж..., мамуля бедная, сама поди перепугалась.

– Ну, в общем, я всем звоню и говорю, что все у тебя в порядке. Ты когда вернешься? У него мать болеет, а он там торчит.

– Я тут не торчу, я тут живу. Ты опять решил меня повоспитывать?

– Давай возвращайся, за матерью смотреть некому.

– Как некому, а няня? А ты? А тетя Фая?

– Ну няня няней..., а у нас своих трудностей хватает. А ты – сын, если не забыл еще.

– А ты – брат. Родной, если что... А она – сестра, и тоже не троюродная.

– Ты мне не груби давай. Ладно. Спорить с тобой бесполезно. Давай, пока.

– Жаксы (*жаксы – хорошо на каз.яз – прим.автора*). А я маме звякну. – «Козел» – подумал Тимур, положил трубку и пошел курить на лоджию. На улице, вобщем, уже было лето, из окна открывался шикарный вид на горы, и солнце еще не припекало, как в полдень, но сейчас его это все не радовало.

Его матери уже пару лет как поставили неутешительный диагноз: болезнь Альцгеймера. Сестра присылала какие-то дорожные швейцарские препараты, которые слегка и ненадолго восстанавливали память, и улучшали мозговые процессы, но и только. Потом всё становилось по-прежнему, а то и хуже. Тимур и забрать ее к себе не мог, и вернуться обратно, не получалось. Тут работа, квартира, гражданский брак. А там ни работы, ни жилья – ничего. Можно было, конечно, все здесь продать и купить там квартиру, но устроиться на хорошее место было нереально. По всему миру шел экономический кризис и кругом была неразбериха. Да такая, что уверенности в завтрашнем дне не было ни у кого. А тут он хоть неплохо зарабатывает и имеет возможность отправлять деньги на содержание няни, которая последние полгода присматривает за его матерью. Фаина и Ибрагим старались по мере сил и желания, и помогали своей старшей сестре продуктами, лекарствами, возили ее по дачам – присматривали в общем. И это правильно. Пенсию ее, надо сказать, немаленькую, получал Ибрагим. Так что денег хватало. И отчета Тимур никогда не просил.

Последние годы Суфия практически все время находилась у Либерманов. Ну как же, Фаечке же было очень тяжело с тремя внуками, а Раечка была занята исключительно собой: ботоксы, латексы, силикон, подтяжки, утяжки, тряпки, тапки. Она же теперь бизнес-леди и все десять филиалов «Металснаба» отошли под ее управление. Врач-терапевт по образованию, она пыталась управлять многомиллионным специфическим бизнесом по всему Казахстану, а это все равно как эскимос, управлявший каяком, перешел на капитанский мостик трансатлантического лайнера. Вот Суфия и пропадала у них каждодневно: то поесть приготовить, то на стол накрыть, то посуду помыть, то бельишко погладить, то на даче помочь. А Фаина умела быть «благодарной» – всё, что уже не носила сама «от души дарила» сестре: какую-нибудь потертую дубленку, шубу – у которой уже на манжетах залысины образовались, шапку – на которой уже

ворс скатался в шарики. Выбрасывать жалко, самой носить стыдно, так и отнесла бы в пакете на свалку – глядишь кому и сгодилось бы такое добро, так нет – она из своей старшей сестры бомжиху сделала. Тимур даже для бездомных стеснялся выносить подобные вещи и складывал всё в разные пакеты: один – в мусорку, второй – для людей, может быть кому и понадобится. Но верхом «щедрости» был набор с самолета авиалинии KLM, который раздают пассажирам эконом-класса. Раечка куда-то слетала и решила подарить Суфии теплые носки из этого набора, чтобы у той ножки не болели, забыла правда сказать, что они одноразовые и вручила – такая вот «искренняя» забота о тёте. Тимур глядел на всё это и вздыхал, а Суфия искренне радовалась и гордилась этими подарками. Не случайно она носила имя Суфия, что в переводе с арабского означает: благочестивая, не делающая зла, женщина-суфий. И на вопрос Тимура: «зачем тебе это надо?» Ответ был всегда один: «Сына, она моя родная младшая сестра. Кто ей еще поможет, если не я?» Тимура бесило это потребительское отношение со стороны Фаины, но он решил, что раз маме так проще, то это ее личное дело. Её выбор, и её жизнь.

Есть хорошее русское слово – рахманная. Хотя судя по всему, не особо-то оно и русского происхождения, а скорей индуистского, что значит: тихая, кроткая, простодушная, нерасчетливая, одним словом – блаженная. Вот такая и была Суфия.

А этой зимой, на Новый Год она осталась совсем одна. Старая. Седая. Больная женщина, осталась одна в своей квартире – всеми забытая и никому ненужная. Сидела в холодной одинокой комнате и думала о чем-то своем. Ну правильно, она же теперь глубоко не в себе, одни и те же вопросы задает, забывает обо всем, толком ничего делать не может, надоедает, салатницу вот любимую недавно разбила, пирог в духовке передержала... Суфия стала для них бесполезна и они плюнули на нее. Когда Тимур звонил ей и поздравлял с Новым Годом, его поразил ее спокойный и безразличный тон.

– Мама, а ты чего дома до сих пор, когда они за тобой заедут?

– Кто? Ааа... А я не знаю. А сколько времени? Так время уже 23–30. Наверное уже никто и не приедет.

– А Фая или Ибрагим звонили?

– Да... Чего-то..., не помню я., может и звонили.

– И что ты делаешь? Ты не голодна?

– Нет. Меня какая-то женщина приходила кормить и ушла..., вроде бы..., что-то не вижу её. Поискать? Ты хотел с ней поговорить?

– Да нет мама, не надо. – ответил Тимур, вздыхая. – Это няня твоя, она у тебя уже два месяца живет.

– Да? Ну ладно. А я сейчас телевизор буду смотреть. А ты почему не приехал?

– Я в Алма-Ата, мама.

– Надолго? Давно ты туда уехал?

– Надолго. – расстроенным голосом ответил Тимур, потом поздравил мать с наступающим Новым Годом, пожелал здоровья, долголетия и они распрощались. Он был тогда в ярости. Хотел позвонить им всем, тем, для кого его мать делала все, что только возможно и высказать наконец все, что о них думает. Но разум возобладал, хотя и с большим трудом.

Тимур докурил, зашел в комнату и позвонил матери. Она разговаривала с ним как ни в чем не бывало, но периодически соскальзывала на какой-то страшный сон, про который она уже ничего не помнит, но даже и вспоминать не хочет, так как он ее сильно напугал. Это был не первый раз, когда Суфии во сне или в галлюцинациях приходили видения: как Тимура зарезали где-то под Самарой какие-то уголовники, как его раздавил грузовик в центре города, и до больницы его так и не довезли, теперь вот, и до самолета дело дошло. И она каждый раз обзванивала всю родню, вызывая бурный переполох. Они поговорили, он ее успокоил и попросил к телефону няню. Суфия долго не могла понять о ком речь, но потом, сходя в соседнюю комнату и обнаружив там «какую-то постороннюю женщину», пригласила ее к телефону. То, что

поведала няня, Тимура расстроило основательно – ей становилось все хуже и хуже. И участковый врач, которая вела наблюдение, сказала ей, что обострились заболевания печени, почек и сердца. И что осталось бабушке – максимум полгода, а то и того меньше. После этого разговора Тимур не мог найти себе места, но теперь еще надо было как-то сестру успокоить – та тоже далеко не здорова и нервы у нее были изрядно расшатаны.

Пока он искал номер сестры в записной книжке мобильного, опять зазвонил городской телефон.

– Халло, Тима. Это я. Уфффф... Ну вроде успокоилась.

– Да я уже в курсе всего, – сказал он, опережая сестру, – маме приснился кошмар с крушением.

– Ох. У меня чуть сердце не остановилось. Ну и смех, и грех прямо. У тебя все порядке? А кто тебе сказал про сон?

– Да в порядке, в порядке. Ибрашка сразу после тебя звякнул. Опять воспитывать пытался.

– Прямо родная мать чуть меня в могилу не свела..., уфффф. Ты бы помирился с ними. – завела старую пластинку сестра.

– Джамик, с ним я не ругался, если бы он Файке в рот все время не заглядывал, то мы бы нормально с ним общались, а если у него нет собственного текста, значит он – прихвостень, и базарить мне с ним...

– Так, золотой, – остановила Джами поток возмущений брата. – Они все-таки за нашей мамой приглядывают, помогают ей... – Тимур не остался в долгу и, тоже, перебил сестру.

– Так она им что – тетя Мотя из соседнего подъезда? Она им – сестра родная. Старшая!!!

– Ох..., какой ты, иногда, невыносимый бываешь. Ладно. Сами разбирайтесь там. Мне тут на днях тетя Фая звонила. Ну, мы там поговорили с ней о том, о сем и она непрозрачно намекнула..., что у тебя долг какой-то перед Глебом остался. Так, нет? – Тимура как иглой укололи.

– Вот крыса, а, кругом ведь залезет, лишь бы бабки светились.

– Давай без этого сибирского жаргона, ок? Она сказала, что ты ему должен остался. И меня это, честно говоря, расстраивает.

– Так сестра, ты мне веришь или этой..?

– Тебе, тебе, успокойся.

– Ну, так вот. Когда я от Либера уходил, я ему должен был кое-чего. Это «кое-чего» я ему вернул, но там еще остаток оставался в размере шести тысяч. Когда мы его схоронили, я точно знал, что эта змеюка везде свой нос засунет, хотя она ему – теща, а не мать родная. Всеми долгами, по идее, должен был заниматься Кана.

– Кто такой?

– Ну. Это его дружок из бандитствующего элемента.

– Ааа..., ясно.

– Так и вот. Когда меня в порту после похорон провожали, там был один из кентов этого Каната. И я ему прямо так и сказал, что на мне висит долг шесть тысяч долларов. Но должен я их не семье, не детям и не родителям, а лично Либери. А поскольку у нас с ним были кое-какие разногласия на тему финансов и он сам мне должен был, но свою часть долга передо мной так и не признавал, хотя об этом все знали: и Ринат, и Дамик, и еще кое-кто, то я счел необходимым оповестить всех кому надо. Ну, а так как все были заняты похоронами, и тот же Ринат со мной разговаривать не захотел, то я решил сказать об этом бандитам.

– А я не знала, что тебе Глеб должен был... И много, если не секрет?

– Ну вот смотри. Он когда на «обнал» в 1995 г. присел и меня подтянул, мы с ним договорились работать 50 на 50, потом он видимо счел этот договор недействительным и мы перешли на одну треть в мою пользу. Но и этих денег я не увидел. Затем ему надо было ехать на

лечение в Грецию, и он забеспокоился о том, как тут без него пойдут дела, а он тогда на целый месяц (или даже два) уезжал, ну и решил видать подстраховаться, и мы с ним договорились, что железно он мне от общей прибыли платит 25%. И тоже хрен!!! Потом он вернулся и снова никаких объяснений. А после уже и я уехал в Москву, сопровождать три Камаза с нержавеющей трубами, которые Рина должен был продать в Подмоскowie. В этих Камазах были мои личные 10000 \$. И что ты думаешь? Я когда с Москвы вернулся, сразу потребовал у него отчет. А он типа «ты мне не доверяешь, так дела не делаются, если ты чем-то недоволен, то лучше тогда вообще вместе не работать и разбежаться». Это было в пятницу. А в субботу он мне в обед звонит и говорит, что не хочет, чтобы между нами были какие-то непонятки, и попросил подъехать. Я думаю, ну ништяк, пацана совесть замучила. Приезжаю, а он мне целый свиток склеил из тетрадных листков и там расписал: как он мне давал деньги на бензин, на пиджак с карманами, на утюг, на телевизор новый, туда же вставил пять тысяч, на которые я себе тогда квартиру взял, хотя этот "пятифан" не имел к обналу никакого отношения – это мои личные деньги, которые вращались в обороте. Ну он там еще какие-то продукты вставил, обои, газ.плиту, люстру, деньги на ремонт..., короче свиток получился длинный. Я на него смотрю, а он глазки прячет. Ну тогда, говорю я, раз пошел такой базар, давай сюда все платежки, посчитаем и пойдем кто из нас прав. Ты же за базар отвечаешь? Ну и он с перепугу взял мне и отдал все банковские проводки за последний квартал. Думал я такой тупой и не разберусь. А я сам и не стал разбираться. Тупо поехал к Ахметову и показал ему всё. А Бахма же сам этой фигней тогда занимался, ну и после того как покубатурил минут пять-десять, выдал, что только на основании этих цифр, мне Либера должен был по самому минимуму десять тысяч, в условных единицах. Из учета только двадцати пяти процентов. А если бы я ему про те пятьдесят напомнил?

– Это за квартал, я правильно поняла? А там же еще за год, да и не за один год, видимо.

– Ну ты ж у меня женщина-то понятливая..., за что и ценю. – весело ответил Тимур.

– З-змей. – протяжно произнесла сестра, акцентируясь на букве «З» и весело добавила: – Ага, и что там дальше-то?

– Вот и получилось, что даже если не брать в расчет средний доход за квартал в размере десятки, то уж 30000 то он мне по любасу должен был. Бахма тогда еще сказал, что это он с кентами подтянул Либера к этому бизнесу, а Глебус потом каким-то образом через Фаю прознал координаты «Ганзабанка» и сам стал работать. Решил на вольные хлеба спргнуть.

– Ну да, у вас же тогда порядка вообще не было, кто что хотел, тот то и творил. Даже никакая банковская тайна не помогала.

– Ага, тем более там эта змеюка работала. А она по ходу за деньги на все у нас согласная.

– Ох и любишь ты ее. Ну ладно и что там дальше было?

– А у нас это взаимно. Каков поп, таков и приход! И получилась цифра: "тридцатка" плюс "десятка". И еще плюс "пятёрка", которую он внаглую в расходы поставил. Прикинь? 45000 \$, по тем временам. Можно было купить десять однокомнатных квартир. Сейчас, это по Костаная стоило бы 250000–300000 долларов, в зависимости от ремонта и района.

– Ничего себе, – удивилась Джамы, – это даже для Бухареста, по тем временам, большие деньги. Сейчас можно было бы виллу себе купить, с бассейном, в горах. А почему ты мне раньше об этом ничего не говорил?

– А смысл, ты же все время за родню упираешься?

– Тимка, ты мне тут не дерзи. Что значит, «упираешься»? Говорю объективно, на основании фактов. – показала кавказский характер Джамы.

– Ладно, ладно – справедливая Европа, – огрызнулся брат и продолжил, – и вот я к нему, к Либеру, значит, с этим цифрами возвращаюсь, и говорю, что он мне должен минимум сорок тысяч. За вычетом этого рулона туалетной бумаги, который он мне расписал. Тот давай смеяться, какой "сорочет", ты о чем, типа? Откуда ты это взял? А я говорю, мне Ахметов все

посчитал. У Глебуса аж шары чуть не повыскакивали и он давай шуметь: «ах вот ты как, ты ему все расклады раскрыл, предал меня, заложил...» – ну и там еще ряд бестолковых обвинений, и заявлений, а в конце добавил, что, дескать, раз такие дела, мы не сможем вместе работать. А я ж тогда весь из себя горячий был, гордый... "ну, – говорю, – тогда засунь весь этот список себе в очко вместе с тем, что должен и кайфуй мазеву". И удалился. Это было в начале 1997 года. Потом, спустя четыре года, когда он меня позвал в "Металснаб", мы уже помирились. Но пардон, долг-то все равно повис.

– А как он тебя пригласил на работу, если вы так неудачно расстались?

– Так ты что думаешь, из благотворительности что ли? Ага..., счас!!! – рассмеялся Тимур. – У него не было ни одного человека с техническим образованием. Никто не разбирался, ни в сортаменте, ни в сталях, ни в сплавах, ни в ГОСТах, ни в производстве, ни в назначении труб, арматуры, швеллеров, листов и т.д. и т.п. – полные «нули» такие сидели и пытались начинать бизнес. Когда москвичи приехали и послушали, как я разговариваю, они сами у него спросили, а этот парень где и кем работает? Его надо обязательно приглашать, его и учить не надо – он все знает. А когда узнали, что я "политех" окончил, так весь вечер только со мной и проговорили. Ну Либер посмотрел на это дело и решил использовать мое образование. Так что все – дашь на дашь, и никакого романтизму!

– А я всё время думала, что он из лучших побуждений..., ну ладно. О мертвом не будем говорить плохо.

– Так это правда! Её-то куда девать? Вместе с совестью. Хотя дела минувшие, конечно. Ну и вот, про все эти дела знали: и Ринат, и Дамир, и Рая. И Фаина – я больше чем уверен. Та без микроскопа в чужой кал залезет.

– Тима, прекрати, я тебе говорю.

– Короче, я сказал, что вот эти шесть штук я отдавать не собираюсь, а если у кого-то возникнут вопросы, то пусть мне позвонит Ринат, и я ему всё объясню.

– И что так никто и не перезвонил?

– Ага, вообще ни слуху, ни духу. Не то чтобы про деньги, про мое существование опять забыли. Ну, а что? Гроб привез и свободен! – неудачно пошутил Тимур. – А тут оказывается, Фая проснулась. Спустя два года. Бедствует. Лишения претерпевает. А дочь миллионным бизнесом рулит. Хоть и неудачно. А той всё мало. Ну так..., в кулацком хозяйстве, и бычий хрен... – Тимур вовремя остановился, но сестра уже была знакома с его развернутым лексиконом.

– Ты давай, не груби сестре, я тебе сказала. – очередной раз пыталась строжиться Джамии. – Она матери нашей помогает. Ты бы хоть элементарную благодарность проявил.

– А я проявлю. Я тебе сейчас проявлю! – решительно возгласил Тимур. – Ты там сидишь? Лучше приляг, а я тебе расскажу, как я ей безумно благодарен. Не хотел я тебе нервы мотать, но ты сама напросилась. – Джамии рассмеялась в трубку и сказала:

– Ой да не пугай, сидит там – Иван Грозный. Пуганые уже.

– А вот счас и поглядим. Помнишь, я зимой к маме с сыном ездил?

– Ну, помню, конечно, и что?

– Ну вот. Звонит мне маманя Дамика, тетя Галия – золовка Файкина, и таким значит елейным тоном, говорит: «Тимочка ты не мог бы подъехать ко мне на работу?»

– Зачем? – говорю я ей.

– Надо поговорить. – отвечает она. – Ну, я приехал к ней, она тогда детской областной больницей заведовала. Зашел. И она мне начала, так, издалека: как дела, не женился, не собираюсь ли обратно, почему к Фаяе не зашел, она, мол, тебя так любит, так скучает, а ты даже не зайдешь? Ага, говорю, так любит, так скучает, что ни одного звонка за два года. Извелась вся, так скучает, прямо места себе не находит. Все вопросы через Ибрашку решает. – И Тимур рассказал сестре, какой у них дальше разговор с Галией вышел:

– Ну, ты бы хоть из чувства благодарности заехал к ней. – Галия пыталась войти в образ, но у неё это как-то вышло бесталанно. – Она столько для твоей матери сделала. Переживает.

– А вы меня что, позвали, чтобы рассказать, как меня тетя Фая любит? Так по сотке могли пообщаться...

– Ну да. – неуверенно ответила Галия.

– Я понял. Так я поеду тогда?

– Погоди, присядь. Даже не знаю, как сказать, – замялась Галия, – мама твоя очень больна. Да ты и сам знаешь. Её надо обследовать и везти в больницу.

– Так обследовали же уже. Диагноз ясен – Альцгеймер. Что тут еще обследовать?

– Да нет, ты не понял, – вставая из-за стола, сказала Галия. Затем отошла к окну, и, стоя спиной к Тимуру, продолжила:

– Её надо в стационар везти.

– Так, а там что? Опять обследование?

– Её надо положить в стационар. – выдохнула Галия.

– Как это? Я не понял. – Тимур не верил своим ушам. Он до последнего отгонял от себя мысль, что ему такое предлагают родственники. Не участковый доктор, не специалист в поликлинике, не няня, не какой-либо другой, чужой человек, а родственница.

– То есть, вы хотите мне сказать, что маму надо везти в психушку? В Затобольск? (*Затобольск – поселок в костанайском районе, где в 1968 г. была открыта областная психиатрическая больница – прим.автора*)

– Да.., Тимочка, ей там будет лучше, пойми, – извиняющимся тоном проговорила Галия. – Там уход за ними, медикаменты, контроль... – Тимур сжал кулаки, всё его тело напряглось и он, еле сдерживая себя, спросил у тетки:

– А вы не боитесь мне такое предлагать?

– Ой, Тимочка, ну что ты опять начинаешь? Это не я предлагаю... – Галия запнулась, обернулась, что-то быстро обдумывая, посмотрела на каменное лицо Тимура и сказала: – Это Фаина предлагает.

– Почему-то я даже не сомневался, – в его голосе появился ледяной оттенок, – а что ж она сама мне об этом не сказала?

– Ну она, это.., побоялась, что ты её не поймешь.

– А вы значит не побоялись? Да? – зло ухмыляясь, резанул Тимур.

– Ну, я – врач, она меня попросила.., я не знаю. Ты сам решай, Тимур, хорошо? – уже сожалая, что вообще согласилась на подобный разговор, сказала Галия.

– А мне нечего решать, – начал, чётко формулируя фразы, говорить Тимур, – ответ мой вот такой будет: если моей матери суждено умереть, а мы все умрем, в итоге, то она будет умирать в своей квартире, в своей кровати, в своей постели, в окружении тишины и заботы. А не среди ужасов дурдома, под обезьяньи вопли и лязг железных засовов. Не понимая, за что с ней так обошлись близкие ей люди, испытывая в свои последние дни невыносимую душевную муку!!! Ад!!! Вам, тетя Галия, должно быть очень стыдно, что вы мне предложили такое.

– Тимочка, прости... – едва не плача начала оправдываться тётка.

– Нет уж, теперь вы меня простите... – перебил он её, и принялся рубить железными словами. – А Фаине я желаю, чтобы когда она будет дряхлой и беспомощной, детки её, которые на каждом углу трезвонят о своих высоких отношениях в семье, сдали бы её в приют для престарелых. Не в психушку, нет (это немыслимо), как она решила сдать свою **родную** сестру..., а хотя бы в приют. А я бы приехал и посмотрев на все это дерьмо, порадовался, что на свете есть еще хоть какая-то справедливость.

– Зачем ты так, не желай другому... – начала было Галия со стандартных евангельских фраз, но увидев его глаза, осеклась и замолчала.

– Затем!!! – крикнул Тимур и выскочил на свежий воздух.

Джами слушала его рассказ затаив дыхание и к концу тихонько заплакала.

– Тима..., у меня нет слов. Давай я успокоюсь и потом тебе перезвоню, а то у меня, кажется, давление подскочило, а мне еще на «фабрику» сегодня ехать. – пытаюсь удержать себя в спокойствии, сказала сестра и, попрощавшись, отключилась. Фабрикой она называла аппарат для процедуры гемодиализа, куда ездила чистить почки уже три раза в неделю.

Ни Тимур, ни его сестра, тогда еще не знали, что пройдет три с лишним года и, страдая от болезни Альцгеймера, в одиночестве, проклиная всех тех, кто её забыл и бросил, умрёт Галия. И пророческими зазвучат слова таджикского поэта-суфия Абу Мухаммада Муслих ад-Дина ибн Абд Аллах Саади Ширази, известного как Саади: «... Тот, кто не желает поднять упавшего, пусть страшится упасть сам, ибо, когда он упадет, никто не протянет ему руку...». Её сын, Дамир, будет потом на каждом углу рассказывать, сколько его мать сделала для Фаины, её детей и внуков, и как все они бросили её, и предали забвению. Ну правильно, она же уже не командовала детской больницей, а значит, толку им от неё не было никакого. И им не привыкать платить черной неблагодарностью тем, кто их искренне любил. А пока вернемся к «Тимуру и его команде».

Он после разговоров с сестрой решил позвонить Раисе. С Фаей разговаривать Тимур был не в состоянии и решил позвонить её дочери.

– Аллю. Рая, привет. Это Тимур.

– Ой. Приве-еет. Тима, давно я не слышала твоего голоса. Как дела? Ты в Костанаете?

– Нет, я в Ате. Рай, я коротко. Там Джамику твоя мама звонила, уточняла насчет моего долга Глебусу. Якобы я ему должен остался, но так и не отдал. Ты в курсе про этот разговор?

– Вообще первый раз слышу. Вот куда она вечно лезет?

– Понятно, то есть у тебя ко мне финансовых претензий по поводу того долга нет? Я через «кановских» все слова свои для Рината еще тогда передал. Не с руки было поднимать в тот момент этот разговор, а мне улетать надо было.

– Да. Ринат, что-то говорил про те деньги, я помню. Ты на нее не обижайся, ты же ее знаешь. А претензий никаких, наоборот я тебе благодарна, что тогда не забыл, что помог. Так что – все ок. – у Тимура неожиданно потеплело на сердце, он никак не ожидал, что этот короткий разговор с сестрой всколыхнет в нем ту любовь, которую он испытывал к ней с детства.

– Рая, я хотел поблагодарить тебя, за помощь, которую ты оказываешь моей матери.

– Ой, ну что ты. Какой разговор? Чем мбгем, тем помбгем, – смеясь ответила Раиса.

– Всё равно, спасибо, ты когда в "Ате" будешь? Давай пересечемся, разговор есть.

– Я через недели две как раз собиралась. Давай, конечно. Созвонимся. Пока.

– Пока. – Тимур остался очень доволен этим разговором. Как еще один камень отвалился от его израненной души. Он убил двух зайцев: с одной стороны, исполнил просьбу Джамии и помирился с Раей, с другой – он давно хотел обратить внимание сестры на тот бардак, что у них творится в алмаатинском филиале.

На днях, он в очередной раз встретил на улице бывшего главного бухгалтера Виктора, и тот ему поведал следующее:

– А ты в курсе, что Була подмял под себя почти весь бизнес «Металснаба»? – спросил Виктор.

– Неа. Надо же... А каким это образом? Москва, уже не рулит что-ли?

– Да после смерти Глеба вообще ничего там у них непонятно. Вроде москвичи и отслеживают тут всё, а на местах воровство цветет буйным цветом. Надька-то после похорон быстро сориентировалась и раскрыла Артуру все схемы: как Глеб отводил деньги на оффшоры, каким образом создавались «левые искусственные» расходы, как он через фирму «протаскивал» разные ТООшки и потом обналачивал деньги, как наваривался даже на подарках акимам, банкирам, фин.поликаам и другой кучке крохоборов от власти. Короче, не постеснялась замарать память Глебову. – Тимур слушал все это и в нем боролись два чувства: негодование и удовле-

творение. С одной стороны, проявились истинные лица тех, по чьей милости произошла его размолвка с Глебом, а с другой стороны, он себе не мог представить – до какого дна может опуститься человек. За ради денег и должности? Ради каких-то меркантильных интересов и положения в обществе? Власти? Которую дают те же деньги, и надуманный уровень среди себе подобных? Крестного отца своего ребенка, любовника, человека, который дал ей возможность заработать и встать на ноги, да просто покойного – вот так вот взять, и предать. Немыслимо. Так и этого оказалось мало – она еще умудрилась втереться в доверие к Раисе, и стать чуть ли не лучшей ее подругой. Это ведь надо иметь талант. Хоть и черного направления, но талант ведь.

– А этот, – продолжал Виктор, – так называемый, генеральный директор, поувольнял всех директоров филиалов и везде поставил своих людей. Чисто такой, колхозно-аульный подход к бизнесу – по принципу личной преданности.

– А Булу сразу после Глебовской смерти на пост назначили или хотя бы проверили на надежность?

– Сразу. Артур вообще не заморачивался. Там же, после всех тех событий, все дела «Металснаба» Ринат курировал, как старший брат Раисы. Ну и тоже, видимо, решил глубоко не вдаваться. Да и Була же этот, еще тот аферист – к любому ключик подберет. – Тимур едко ухмыльнулся.

– От замочка зависит, от его сложности и надежности.

– Ты о себе? – подмигнув собеседнику, иронизировал Виктор. – Ну у вас-то другой уровень отношений был, ты же его начальником был, по идее. А тут он: «кум королю, министру сват». Он и нашего шефа всеми правдами и неправдами выжил. Наплел Раисе чего ни попадя: типа Мухит взятки брал, крал, да плюс еще на слишком больших процентах сидел. Вот он и бомбардировал кляузами: то Артура, то финансового директора, то Раису, и таки добился своего. Ты Мухита застал, нет?

– Нет, его уже после моего ухода назначили, когда ваш проктолог всё через задницу пустил.

– Хаа..! – рассмеялся Виктор. – Да, натворил тогда делов, «доктор». Ну и вот они с Надькой на пару и хватали чего плохо лежит. Була из Актау руководил, Мориарти из себя корчил, а Наденька в Костанае дела мутила. Тот, все крутые контракты контролировал – откаты, проводки, то-сё, а эта, через свои левые компашки, все эти потоки отмывала, обналачивала. И все довольны! Так они, мало того.., ещё и друг с другом умудрялись грызню устраивать. Надя ему только номинально подчинялась, а непосредственный начальник у нее был Артур. Поднял ее за предательство. Вот она и ходила там в королевах. Но самый прикол: они обирали компанию, обналачивали капусту и какую-то часть, Надька, лично отвозила в Москву, для Артура, а какую-то часть передавала Раисе. И преподносилось это ей, как типа средства сэкономленные, «оптимизированные» и добытые честным путем. Ну, а та и рада была их принимать, закрывая глаза на их происхождение. А то, что это ее собственные деньги, которые к ней поступали только после распила – она и не хотела знать.

– Ну и дела. – вздохнул Тимур. – А что же служба безопасности, Олежка кореец-то что, не видел? Не слышал?

– Мухамеджаныч, да все и всё видели. Ты думаешь, откуда я всё знаю? Они даже и не скрывали ничего, в последнее время. Контроля нет и все счастливы. А Раисе принесут макроэкономику, она на нее посмотрит, как улитка на задачу по высшей математике, получит свои наличные, и думает – всё прекрасно.

– Ну, а кореец-то с головой пацан. Не трус, не козел – он-то что? – возмутился Тимур.

– Так они ж и его убрали, тихой сапой. Копали под него, провоцировали, дискредитировали и добились своего. Он же знал, что Глеб перед Болгарией хотел уволить Булу. Так что у Булы был большущий зуб на корейца, а Надя никак не могла смириться с тем, что Глеб ему

как СБшнику большую зарплату платил. Ей это прямо спать мешало. Она мало того, что крала у Булы, Артура и Раисы, так еще и другим не давала заработать. Причем честно заработать.

– Носит же земляца..., и как ей до сих пор жало не вырвали? Какие, однако, у тебя познания? Прямо Ким Филби.

– А то. Но теперь картина резко поменялась. Уж не знаю, каким образом, но Москва прознала про общую сумму уворованных Булой денег. Знаешь там сколько?

– Ага, давеча вот во сне ко мне с отчетом Булка заходил..., ну и сколько?

– Ну, угадай, – веселясь произнес Виктор, – уверен, ты даже не представляешь сколько.

– Тебя может плоскогубцами потискать? У меня есть в машине. – так же весело ответил Тимур.

– Два "лимона" американской зелени!!!

– Да ну нафиг!!! – искренне удивился Тимур и с трудом, переваривая цифру, не без интереса, уточнил. – Когда же он успел? Жив ещё, бес этот?

– Жив, – в неопределенной интонации произнес Виктор, – он мало того, что жив, он еще и работает. И ворует дальше. Через местного своего дружбана, которого поставил вместо Мухита.

– Дурдом... А Москва чего? Они ж там типа крутые, через одного, что же не затребуют возврата, честно-награбленного?

– А вот и парадокс. То ли Раиса трясётся бизнес потерять, так как без Булы не представляет себе, что с такой махиной делать, то ли Булкин москвичам чего наобещал, непонятно короче.

– А вдова эта черная – «Надька-каракуртиха» и тут сухая из воды выползла? Я в шоке, умеют же гниды выворачиваться – возмущенно констатировал Тимур. – Это у нас: то хрен длинный, то рубаха коротка. А у тех все в порядке. Совесть? Какая совесть, вы о чем?

– Умеют. Да. Но это еще не всё. Теперь банк за них взялся. Требуется возврата кредита; кризис – видать бабки подбивают. А у тех ни денег, ни залогового имущества, всё в товаре, в обороте и металл застрял. И застрял основательно. А вот это уже серьезно. Так что разговор идет о том, что если они с банком не раскидаются, то их под банкротство подведут.

– А они при таком руководстве никогда не раскидаются – уверенно заявил Тимур и вспомнил, как он два года назад всех предупредил о том, что Була похоронит компанию. Это конечно тешило его самолюбие. Но не более того. Он искренне хотел спасти предприятие.

– Ок. Спасибо за инфу. Буду иметь ввиду.–на том собеседники и распрощались.

Встреча с сестрой поселила в нем надежду, что если до нее довести всю ту информацию, которой он владел на тот период, то можно предпринять ряд шагов для исправления ситуации. Надежды было немного, но попробовать стоило. Тем более, что помимо помощи сестре в спасении бизнеса, к которому он одно время относился как к собственном ребенку и искренне радовался успехам, он еще хотел удалить эту злокачественную опухоль, в виде генерального директора Булата и финансового директора Надежды.

Какая мать не защитит своё дитя, какой отец не восстанет против врагов своего чада? Вот и Тимур, лелея в глубинах сознания чувство мести, которое он для себя выкрасил в цвета справедливости, решил встать на защиту своего бывшего предприятия. Осталось правильно все преподнести сестре и попробовать достучаться до Москвы. А в этом плане мог помочь Ринат. И если с Булатом всё было более-менее понятно, то увольнение Надежды напомнило ему одну цитату из фильма «Султан Бейбарс», где султан Египта делится с мамелюками своими мыслями: «... Женщина, как собака. Кто ее кормит, к тому она и льнет. Перестань кормить – найдет другого. И это еще будет уход добропорядочной женщины. Уход же злонравной женщины – это очень длинная история!» Да и Фаина, с ее патологическим пунктиком совать везде свой приплюснутый нос, не вносила оптимизма. Но пора разбрасывать камни завершилась, настала пора собирать их!

Как и обещала, Раиса прилетела недели через две, и они встретились в какой-то кофейне. Тимур показалось, что она несколько изменилась. Поправились, сделала подтяжку лица, где-то увеличила губы и, как он понял, укрупнила грудь. И в принципе ее это не портило, но он не любил вмешательство хирурга в творение Божье, а так как не его епархией было выносить какие-либо суждения на эту тему, то его точка зрения на этот раз осталась при нем.

– А ты постарел, поседел, – внимательно разглядывая, его сказала сестра, – хотя, все мы не помолодели.

– Но ты прекрасно выглядишь, для матери троих детей. – комплиментарно ответил Тимур. Иногда он мог быть учтивым. Когда этого требовала обстановка.

– Ой, да ладно, – махнула рукой сестра, – но всё равно приятно. Спасибочки.

– Рая, я еще раз хотел тебя поблагодарить, за участие и за помощь моей матери.

– Ой, да поправилась бы она. Мы ж ее любим. Она с детства всех моих детей на руках вынянчила.

– Дай-то Бог, дай-то Бог.

– Ты-то как? Не жанилси? – сознательно коверкая слова, игриво поинтересовалась Раиса.

– За нас – психов, не особо замуж стремятся. – изображая горе, ответил Тимур.

– Ой, смотрите-ка!!! – Раиса расхохоталась. – У нашего Тимы самокритика появилась. Дааа... То что ты псих – это точно... Еще какой псих!

– Ну.., что ж поделаешь? – вздыхая, отвечал брат. – Видать детские травмы головы не прошли даром. Рай, я вот еще чего хотел тебе сказать. Тут кругом разговоры идут, что "Метал-снаб" скоро обанкротится. – Раиса, не особо удивляясь, перевела взгляд на кофейную чашку и, подняв глаза, уверенно произнесла:

– Да прям. У нас всё нормально. – Тимур, прекрасно изучивший сестру, внимательно смотрел в ее глаза и не верил в эту драматургию.

– Рая. Ну, завязывай, ладно. Уже по всему Казахстану судачат.

– Ой, да кто там еще судачит-то? – Раиса подняла вверх свои густые, аккуратно подправленные, брови. – Завидуют, вот и болтают... – уверенно, но слегка наигранно пыталась она создать «хорошую мину при плохой игре».

– Упираться значит будем? Ок. А ты послушай, послушай. – остановил он сестру. – С Костаная звонили, с Актау был один – рассказывал. Здесь, с местного филиала информация прошла, и с банка одна мамзель поделилась. И все в одну дуду: Була ворует, кредит отдавать нечем, железки застряли. Вопрос стоит о банкротстве компании.

– Ага. Счас. Не дождутся! – стояла на своем Раиса.

– Да ё-моё, ну!!! – разгорячился Тимур. – Рая, – я брат твой. Мне какой смысл причесывать? Я тебе помочь хочу. И могу, что характерно. Я же всё знаю в этом деле. Все ходы-выходы. Я ж у истоков стоял. – Раиса смотрела на него отсутствующими глазами. – Очнись уже, ну! – Тимур не хотел сразу раскрывать карты, но понимая, что нужна шоковая терапия, продолжил. – Я даже знаю, что Була целых два "лимона" у вас увёл.

– Даже так? И откуда же ты это узнал? – плохо скрывая раздражение, спросила Раиса.

– Вооотт... Слишком большая цифра, чтобы быть просто сплетней. И даже если она в два раза меньше, то это "по-любасу" огромные деньги. – Тимур понимал, что давить на нее сейчас смысла нет. Она пока со всеми своими сородичами не посоветуется, пока со всех сторон тему не обмусолит, пока в Москву раз пять не позвонит – ничего ему не ответит.

– Я предлагаю тебе свою помощь, пока не поздно. Ты не торопись. Рассмотрю ситуацию реально, вдумчиво. Посоветуйся с Риной. С Артуром. Я тебя не тороплю. Тем более, что ты ничего не теряешь. А я тебе слово даю: если ты мне будешь помогать и если москвичи не будут мешать, я, и деньги ваши на место верну, и по кредиту мы все вопросы закроем, и компанию спасем. Ты подумай. Жаксы?

– Хорошо. Я подумаю. Но обещать ничего не буду. Ты сейчас работаешь или бездельничаешь?

– Да когда это я бездельничал? Я ж – огонь. Мне пылать надо. Работаю. Оборудование продаю всякое разное.

– Ну, главное не обжигай. – подмигнула сестра. – Ладно, Тимочка. Поеду я.

– А куда тебе? Давай я отвезу.

– Да поеду на филиал, нагоняй им там всем устрою. Достал меня директор тутошний.

– Ну, вот видишь, – обрадовался Тимур, – а меня и строить не надо будет, я сам всех построю.

– Ок. А меня вон, машина ждет. – Раиса показала рукой на черный джип, и, поцеловав брата, попрощалась.

– Ну я жду, – вдогонку крикнул ей Тимур, – ты не откладывай. И это..., скинь мне адрес Рины, плиз. Я ему письмо напишу.

– Ок. Скину. Пока.

– Пока.

«Хорошо поговорили» – подумал Тимур и отправился по своим делам. Добравшись вечером до дома, он первым делом написал письмо Ринату, где более развернуто пояснил свою позицию и предложил ряд шагов для оздоровления, и спасения «Металснаба». Он понимал, что Раиса в тонкостях не разбирается, да и не будет особо вникать в методику, а вот Ринат, как коммерческий директор одного из заводов Подмосковья, обязательно все поймет и оценит.

Прошло дней десять. Тимур каждый день ждал ответа от кого-либо из родственников. И дождался: его приглашали на работу. Но! Только заместителем директора Алмаатинского филиала. С одной стороны, это уже было хоть что-то, и можно было начать всё заново. Но Тимура это не устраивало. «Видимо, кто-то вмешался и насоветовал Райке не ставить меня руководителем офиса. А кому это нужно? Кому? Только Булке, Надьке...и Файке... – раздумывал Тимур. – Ну, первые двое меня хоть и побаиваются, но сидят на своих местах, как пришитые, и по идее, не должны ничего опасаться. А вот Файка, как пить дать, влезла со своими рекомендациями. Куда же без нее?»

Поразмыслив над всеми «за и против», он решил написать Раисе ответ, а копию отправить Ринату. На тот случай, если и он был против его назначения руководителем Алмаатинского филиала. Он решил пойти ва-банк и крепко рисковал. Но тут уж «пан или пропал». По-другому он не хотел. И не умел. Письмо получилось коротким, но содержательным:

Привет, Рая.

Ну, честно говоря, не ожидал именно такого предложения, и сразу скажу, что мне очень приятно осознавать твою заботу. Так что я тебе очень благодарен, серьезно!

По поводу работы, могу сказать следующее: если я туда пойду, то не заместителем, а директором. Ниже, поясню почему. Это не от мании величия...

Если я устроюсь на должность заместителя, то на меня будут смотреть как на соглядатая (от лица Раисы), и долго я там не продержусь. Начнутся всякие инсинуации, провокации, наветы, сплетни и другие подобные явления, которые будут распространяться самим директором. Такие вещи всюду происходили и при Глебе (Царствие ему Небесное). Требовательный исполнительный директор, в лице твоего покорного слуги, – всем мешает, особенно когда заставляет их работать. И работать честно.

Так как я все в этом бизнесе знаю, то сразу увижу, кто работает, а кто – нет; кто ворует, а кто – остается порядочным человеком; кто достоин занимаемой должности и компетентен, а кто – просто просиживает свое время и нужен только руководителю, так как проявляет лояльность, граничащую с подхалимством (как мы это уже видели на примере «проктолога»)

И вот поняв всё и увидев всех, такими – как они есть, а не как они выглядят в отчетах руководства, я, как твой брат, не смогу молчать и начну обращать твое внимание на все недостатки, которые там будут (а они всегда есть на подобных базах). Понятно, что я восстану один против всех остальных, так как все сотрудники там, насколько я понимаю, – повязаны и лояльны к директору. А в такой ситуации, надо либо все брать в свои руки, либо уходить.

А просто сидеть и протирать штаны в офисе только для того, чтобы мне моя сестра платила зарплату, и не приносить никакой пользы ни ей, ни ее бизнесу – я не могу. Совесть мне не позволяет, да и воспитан я по-другому.

Если ты планируешь начать наводить порядок, то это конечно вопрос другой, и решать его нужно по-другому (я же не знаю точно, что именно ты планируешь). Готова ли ты к изменениям в лучшую сторону? Если – да, то нужно будет провести серьезную плановую работу по приведению всего в нормальное состояние. А это займет время. Но время сейчас есть, во-первых, кризис – и оборот все равно упал, во-вторых, осенью и зимой все равно будет затишье – самое время для реорганизации и реструктуризации. Но этот вопрос желательно решать при содействии московских товарищей. Остальное по телефону.

Если тебе нужен свой человек, который разбирается во всех вопросах, связанных с реализацией металлопроката, а заодно и будет препятствовать воровству и безделью, то я готов туда пойти, но подчиняться тогда буду только тебе.

Ну и наконец. Мне нужно будет твое доверие и содействие. Без этого никак. Если мы вместе возьмемся за дело, то максимум через год-полтора, ситуация выправится.

*Все зависит от того, как лично ты все это видишь и чего конкретно ждешь (или хочешь). Еще раз хочу тебе сказать, что мне очень приятно, что ты помогаешь моей маме. Я ЭТО ЦЕНЮ!!! Если я где-то тебя не так понял, то прошу тебя поправить меня. И если ты не согласна с моими вышесказанными словами, то напиши с чем именно. Вот мой телефон домашний на всякий случай:*****. Позвони, как будет время. Можно на выходных. В любом случае, если тебе некогда будет, я сам тебе перезвоню. Такие вот дела. Еще раз спасибо. До связи.*

Твой психбольной брат, Тимур.

Глава 7

Звонка от сестры на этот раз пришлось ждать недолго. Буквально через пару дней она перезвонила. Но совсем по другому поводу.

– Алло, Тима. Алло! Тимур! – послышался из трубки встревоженный голос Раисы.

– Да, да, я слушаю. Привет, Рай. Ты чего такая заполошная?

– Алло. Да что такое... Алло! Ты слышишь меня?!

– Слышу тебя, говори.

– А. Вот. Ну наконец-то, а то я тебя совсем не слышу. – успокоилась сестра.

– Так у нас горы, горы! – с кавказским акцентом произнес Тимур. – Ты зоопарк биль? Верблюды видель, верблюды...

– Всё шутишь. А у нас проблемы. Тётя Суфия совсем сдала, в последнее время. Пиелонефрит, давление, печень. Желтая вся стала, прямо как лимон. Плюс синдром Альцгеймера. Головные боли. – рубила фразами Раиса. – Короче, дела не фонтан.

– Да.., – тяжело вздохнул Тимур, – ну годы же. А что всё совсем так плохо? – задал он вопрос, который на данном этапе уже относился к отряду риторических.

– Да. Надо тебе видимо, все-таки приехать, побыть с матерью, а то кто его знает, как там дальше все будет развиваться.

– Да, видимо надо. Хорошо, буду собираться. А желтая она от чего, от печени?

– Да. Там уже подозрение на цирроз. Ну, давай приезжай. Тут поговорим. Пока.

– Хорошо. Спасибо, что предупредила. Пока.

Тимур положил мобильник на компьютерный столик, и волна тревоги, вперемешку со страхом, накатила на него. Нельзя сказать, что он не был готов к такому разговору, но подобную информацию как правило, либо совсем не хочется слышать, либо всеми правдами и неправдами оттягивают срок ее поступления. Вот и Тимур дождался. Смерть всегда ходит рядом с нами, и для некоторых людей наступает момент некоего привыкания к ней. И если жить, не вцепившись в любимого человека, не прорастая в нем всей своей тканью, не создавая из него кумира, наконец, то уход близкого переживается легче. И постепенность процесса подготовки к этому самому уходу, дает человеку уникальную возможность чему-то научиться. Но всё, что мы извлекаем из этих ситуаций – это укрепление собственного эгоизма, упрочнение страха потери и возникновение кучи безответных вопросов: почему я, почему он, почему она и за что? И так далее. Тимур умом все это понимал и старался сохранять спокойствие, трезвость и контроль над поступками, но получалось у него не очень результативно. И если бы не вера в Бога, не его опыт медитаций, не изучение принципа самой смерти в традиции индуизма, не его искреннее доверие к механизму кармы, то он бы сейчас страдал, как миллионы землян. Однако, он чувствовал в сердце своем покой. И позывы ума устроить какую-нибудь истерику, пуститься в пьянство или по-другому вывести его из себя, он отметал как провокацию. И концентрировался на покое. Он точно знал, что если нет возможности спасти умирающего, то есть способ помочь его душе по ту сторону занавеса. И он был готов. И еще он знал, точнее – чувствовал, что с обратным билетом можно не торопиться. На этот раз его мать будет прощаться с ним. И все будет решено в течение 10 -15 дней. Но надежда всё же жила в нем своей собственной жизнью и от нее он отказаться не мог, да и не хотел.

Ничего на родной улице почти не изменилось, если не считать, что весь Костанай по уши утонул в грязи и мусоре. А уж район привокзальной площади и подавно. И если в юности Тимур со своими друзьями гоняли с района всяких залетных, компании пьяниц, дебоширов, обнаглевших таксистов, и частенько колотили «нарушителей границы», то теперь кругом валялись бутылки из под пива и водки, использованные шприцы, презервативы и обычный бытовой мусор. И никто за этот бардак не нес никаких наказаний. Он подошел к скамейке, что

всегда стояла у подъезда и присел на нее. Ему припомнилось его возвращение из армии, когда он от волнения не смог даже подняться с этой самой скамейки – у него отнялись ноги. И пока он не выкурил две сигареты, и не успокоился, он так домой и не попал. Вот и теперь он сидел, курил и думал о матери, но ноги его были в порядке, он был более-менее спокоен и думал: не зачерствел ли он сердцем? Хотя он точно знал, что его грустное лицо расстроит мать намного сильнее, чем ее собственные проблемы со здоровьем.

С подобным явлением он столкнулся лет за десять до описываемых событий. Тогда посреди ночи у него в квартире зазвонил городской телефон:

– Халло. Тэмур! – услышал он голос зятя. – Ты меня слышишь?

– Слышу Тамаш. Ты чего так поздно?

– Тэмур... Джамми хоспитал. Она плохо, – волнуясь и забывая русские слова, говорил Тамаш, – доктор сказал.., эээ.., *microstroke..(инсульт, по-английски – прим.автора)*, я мама и тебе на офис факс отправил.., для виза.

– Приглашение отправил?

– Да-да.., это. Сегодня билет отправить.., утром. На самолет. Приедешь?

– Уфф.., ну конечно.., ты там держись, не раскисай, всё будет нормально. – пытался успокоить зятя Тимур, – а она в сознании? В реанимационном отделении, как она вообще?

– Кома, – голос Тамаша дрогнул и у Тимура похолодело внутри, – доктор говорил.., говорит, что.., как это по-русски.., знание приходит.

– В сознание приходит? – Тимур старался не волноваться и не расстраивать зятя.

– Да-да.., так. Я жду вас и мама. Ок? Карашо? Пока, Тэмур.

– Пока, дорогой. – Тимур повесил трубку и уселся думать, как сказать обо всем матери. Но была поздняя ночь и будить маму таким новостями было небезопасно. Помаявшись туда сюда по квартире, он попытался уснуть и через минут тридцать, в постоянных думках о сестре, все таки задремал. Утром его разбудил телефон.

– Здравствуй, родной, не разбудила?

– Привет, мам. Да нет, уже просыпался. – соврал Тимур.

– Я даже не знаю, как тебе сказать...

– Мам, да я в курсе, мне ночью Тама звонил, – освобождая мать от тяжелой ноши недоброго вестника, сказал сын. – Надо собираться. Ты готова?

– Да мне-то собраться.., а как с визами, с билетами?

– Я уже всё обдумал. Билеты возьмем по факсовой копии и поедем в Москву. Там есть один приятель, он работает в посольстве Казахстана, от него позвоним Тамашу и попросим подтверждение с больницы, о ее тяжелом состоянии. Потом, на основании этой неординарной ситуации будем просить приятеля связаться с послом Румынии, чтобы тот дал нам временную, краткосрочную визу. Ну и будем молиться.

– Ох, хоть бы у неё все хорошо было, – сквозь слезы сказала мать, – хоть бы нам помогли улететь к ней.

– Мам, ты не плачь раньше времени, Тамаш сказал тебе, что она приходит в себя? Значит всё не так плохо. Давай собирайся потихоньку, ничего не забудь. Хорошо? Я заеду за паспортом и поеду за билетами.

– Ты поел, тебе картошки пожарить?

Тимур решил, что так матери будет проще отвлечься и согласился.

Потом он поехал к друзьям, взял у них телефон Жаната, который работает в посольстве и попросил их предупредить его о своей просьбе, а сам занялся билетами. В итоге, к поздней ночи они с Суфией уже сидели в аэропорту и ждали вылета. Днем они успели связаться с Тамашем и тот выслал им заключение врача о тяжелом состоянии Джамми, да еще и нотариально заверенное. Европа – везде порядок! Все это время, сын настраивал мать на самообладание при встрече с дочерью – никто ж не знал, какое у нее будет состояние, и лишний раз ее

нервировать было никак нельзя. В Москву они прилетели очень удачно – под утро. Весь день ушел на получение визы. Томительное ожидание надо было как-то сгладить и Тимур снова занялся психологическим состоянием матери. И так переусердствовал, что она уже начала с ним ругаться. Жанат оказался очень ответственным и порядочным парнем, настоящим дипломатом и патриотом. Менее чем за шесть часов он просто «выбил» у румынов разрешение на выезд двух граждан Казахстана. Тимур не посмел предлагать ему денег; на обратном пути завез ему бутылку коллекционного вина «котнари», бутылку «палинки» и шмат пастромы, но Жанат и от этого оказался – интеллигент, с большой буквы "И"!

Утром следующего дня они с Тамашем уже ехали в больницу. Зять рассказал им, что Джамии никого не узнает и никого не помнит, кроме тех, кого знает с детства. Она даже не узнавала собственного девятнадцатилетнего сына, но всё время спрашивала: где мама и Тимка? Её мучили галлюцинации, а реальность для нее существовала в абстрактном мире.

В палате реанимационного отделения, где лежала Джамии, были еще две кровати. На одной из них лежала, высушенная временем, загорелая, очень старенькая румынка, а вторая была свободна.

– Оооо..., ничего себе..., привет, Тимка. – радостно воскликнула сестра, приветствуя брата. При этом, совсем не замечая своего мужа. – Оооо..., муля, привет, чего вы так долго, сколько можно ждать? – глаза ее были страшны в своём безумном блеске и мать сжала в своих ладонях руку сына.

– Мам, – тихо, сквозь зубы, чтобы его не услышала сестра, прошептал Тимур, – я ж просил, не нервничать и ничему не удивляться. – но мать его не слышала, и всем своим видом отображала страдание на лице. Она готова была взять на себя всю боль дочери, если бы только знала, как это делается. А ее дочь лежала на кровати вся в синяках, которые были не просто синими, а черными. Руки ее были привязаны бинтами к боковинам койки, так как она периодически совершала массу бесконтрольных движений, а вокруг была куча дорогостоящей медицинской аппаратуры.

– Не спрашивай про синяки, я тебе потом все объясню. – тихо сын предупредил мать.

– Муля, а ты что плачешь? А..? – тонким дрожащим голосом спросила дочь. Мать посмотрела на Тимура и невнятно сказала:

– Да так..., что-то..., чувствую себя не очень...

– Довёл, мать? – гневно сверкая глазками, обратилась Джамии к брату. – Ничего..., я вот освобожусь, я тебе устрою. Что ещё натворил, з-змей..?

Тимур, понимая, что любой ответ будет истолкован не в его пользу, ляпнул без раздумий.

– Да она у меня сигареты нашла.

– Ооо!!! Муля..., да пусть травится – его жизнь. Дитяте уже за тридцать, а он всё такой же бестолковый. Тима, тебе сколько лет уже? А? Лучше помоги телефон убрать. Вот тоже интересные люди, нашли куда телефон поставить. Румыны – одним словом. – Тимур уставился на сестру непонимающим взглядом, а та продолжала:

– Ну и..., я долго буду ждать-то, ну? Муля, он у нас еще и глухой. Телефон говорю, убери!

– Пардон, Джамик, а о каком телефоне речь? – уточнил брат, не наблюдая по близости у кровати ничего похожего.

– Мама..., зря его среди нормальных держат, он же нездоров. Я ему на чистом русском говорю про телефон, а он не понимает. Ну, вот же..., ну..., на руке. Он ещё и слепой. – возмущалась сестра, показывая на бинт которым было охвачено ее запястье. Тимур понял, что прижатая к кровати кисть дает ей ощущение чего-то тяжелого, словно что-то лежит на руке, поэтому она не может оторвать ее от койки. Еще пребывая в растерянности, и не совсем понимая, что же ему теперь делать, Тимур обошел кровать, и встал у руки.

– Ну!! Сил нет?! Давай убирай его, надоел он мне уже. И ты тоже надоел. Мама.., его надо в лечебницу сдать.., он же психбольной, а они меня, здоровую, тут держат. – Тимур сохранял спокойствие и думал как имитировать удаление телефона, но тут вмешалась мать.

– Доча! Доченька, – сквозь слезы, взывала она, – успокойся, успокойся пожалуйста, там нет никакого телефона. – Тимур знаками пытался показать матери, что, мол, все нормально, что, дескать, раз Джамми не в себе, то все в порядке – ты сама успокойся. Но материнский инстинкт, как правило, слеп.

– Ну и семейка, – продолжала искренне возмущаться Джамми, – хорошо, что я от вас уехала, а то бы тоже с ума сошла, с вами вместе. Один, как дистрофик не может телефон убрать, а вторая, его ещё поддерживает стоит.., сговорились. Не фиг курить было, тогда бы и силенки не покинули, брат называется. . . Позовите санитарку, – начала было повышать голос Джамми, – тут есть люди нормальные, нет?

– Тихо, тихо сестра, – нервно смеясь, успокаивал ее Тимур, – сейчас.., его же надо целым убрать, а ты его смахнуть можешь. Подожди, сейчас я.. .

– Да какой телефон? Доча, дорогая, там же нет ничего. – заголосила мать. Решив, что сестре надо всячески подыгрывать, брат ответил:

– Мама, он же белый, и потому ты его не видишь. Джаммик, мы очки дома забыли. Он же белый?

– Алилуйя!!! Свершилось!!! Он прозрел, наконец-то, а то я уже засомневалась, забеспокоилась о твоём психическом здоровье. . . Ну конечно он белый, где ты видел в ветеринарной клинике чёрные телефоны? Ну.., чего замер? Убирай давай! – мне домой надо собираться.

Тимур взял ладонь сестры, слегка расслабил узел и перевел петлю немного выше. Рука была так же привязана, но могла немного двигаться.

– Слава тебе, Господи. – удовлетворенно сказала Джамми и стала шевелить рукой.

– Доча, а почему ты говоришь про ветеринарную клинику? – спросила мать. Чёрные-то дисковые телефоны она еще с войны помнила и этот момент ее не беспокоил.

– Знаешь, мама, я конечно понимаю, надо жить экономно, но вы могли бы меня хотя бы с людьми положить, а не с животными.

– А где животные-то? – ничего уже не понимая, спросила Суфия.

– Где.., вон.., собака же лежит, не видишь что ли? И запах еще такой.., как на ранчо. . .

Тимур, понимая, что сейчас начнется очередная серия «доча успокойся», подошел к матери и на ухо сказал ей:

– Муля, пожалуйста, ну она же бредит.., ей надо просто подыгрывать. Я же тебя предупреждал.

– Да, я поняла. Что ты меня совсем за дуру что ли считаешь? – гневно прошипела мать. – А что ж она так про бабушку-то, неудобно же.

– Мама. Эта бабуля – румынка, по-русски не петрит, лежит без сознания, ей, вообще, по барабану вся наша компания. – возмущался Тимур. Он уже сам чувствовал себя в кругу не совсем здоровых людей.

– Тима, а ты заметил какое странное помещение? Портреты какие-то.., не к месту, я бы сказала. . .

– Да? И какой из них тебе не нравится? – спросил он, глядя на абсолютно чистую белую стену.

– Ну, хотя бы вот этот, с негром.., и саксофоном. – показала на стену сестра. Не совсем понимая, что ей на это ответить брат спросил:

– По центру, который? – Джамми громко и радостно рассмеялась на всю палату. – Муля.., ты его проверь все-таки у психиатра. . . Вот ему точно лечится пора.., он еще и считать не умеет. Там же их всего два!!! Какой по центру? Двоечник! – загоготала Джамми, вытирая слезы. – Буратино, пять на два не делится? Ну, насмешил.., уфф.., хорошо, что пришёл. Вчера зрелище

было одно..., замечательное. Потрясающее просто..., я такого никогда не видела! Тебе бы психу точно понравилось. Я только не поняла, как у них на потолке так интересно занавеска держится..., даже не занавеска, а портьера целая! Такая, как в театре, бархатная.

– Ага, ага и что там? – заинтересованно спросил Тимур, он уже понял, что если к этому действию относится как к шоу, то всё намного проще воспринимается.

– Он где-то ходил непонятно, но он был там. За сценой. Он точно там был. А потом подошел, и так, р-ррааз..! И отдернул портьеру... А оттуда такой свет хлынул... Так... Я даже слов не могу подобрать? А..., грандиозный, вот!!! Интеллектуальный!!! Живой такой, вселенский свет! Такой мягкий, нежный.

– Да, ты чё..., ништя-аа-ак, – порадовался вместе с сестрой Тимур, – ага, и чё, и чё? А цвета какого?

– А вот с цветом-то я и не определилась... Вроде белый ослепительный.

– Холодный..., как в туалете? – подмигнул ей Тимур.

– Сам ты..., как в туалете. Муля, он у нас вообще без романтизма. Такой живой белый теплый свет, который крупинками как будто переливался..., такими бледно-бледно розовыми и такими же живыми, но голубыми. И я как будто в нем поплыла... И не было ни низа, ни верха, ни запаха, ничего..., и воздуха тоже не было. Я дышала этим светом... Я была им, а он был мною. Я хотела на себя посмотреть, но еле увидела слабозаметный контур, я его даже не увидела. Я просто знала, что тут есть мое тело... Моё "Я". Не было боли, не было любви, не было страданий... Только я, Он, свет и счастье!!!

Тимур смотрел на сестру с восхищением, все остальные также молча уставились на нее, очарованные ее рассказом.

– Ну вырази свое чувство, свое состояние в этот момент.

– Да вот в том то и дело... Я вот даже не знаю как это вообще можно выразить словами... Это можно только пережить.

– Ну соберись, сестра! – умолял ее брат. Он прекрасно понимал, о чем идет речь, но очень хотел, чтобы это услышали все присутствующие. Даже медсестра–румыночка, ничего не понимающая по-русски, смотрела на Джамии восхищенными глазами. Лицо и глаза лучше всяких слов передавали запредельный восторг переживаний этой больной.

– Соберись... Так я ж не разбиралась... Стой, о чем я..? Ааа!!! Как же передать-то? Чувство бессмертия, представляешь? – Тимур кивнул. – Да что ты вообще можешь представлять? Псих. **Бессмертие!!!** Ощущение абсолютного счастья при полном отсутствии совести, закономерности и времени, и при бесконечности пространства, которое не имело начала и конца, **но оно было само в себе.** И радовалось вместе со мной, внутри меня..., и я как будто сама и была этим пространством... Я была везде... И одновременно! Вот тут, в этой точке или группе точек. Я любила все эти крупинки света потому, что я сама и была ими, а они были мной. Как будто я любила свое высшее Я. Оно как вулкан, который наоборот..., не от меня, а в меня ворвался. Без условий, без преград – просто взял и гипермощно прорвал все мои обороны...!! Я кажется плакала..., точно не помню. – Джамии выдохнула и откинулась на подушку с лицом сияющим от того света, который она только что описала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.